

КАГАНАТ

ВАСИЛИЙ САХАРОВ

СТЕПНЫЕ
ВОЛКИ

Annotation

Что делать, когда твоей страны больше нет, а в родной степи на трупах родичей стервятники жируют? Что делать, если в столице некогда славной и сильной державы сидит враг? Что делать, если осталось только трое мальчишек против огромных вражеских армий? Следуя за пророчеством, вернуться на родину и победить. Иного пути молодые волки, последние степные бури, не видят. Вперёд, разорви врагу глотку! Верни своему народу свободу! Пройди через кровавые битвы и сражения! Обойди ловушки и собери рассеянных по миру сородичей! Победи и стань вождём!

Василий Сахаров

Степные волки

© Сахаров В. И., 2017

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2017

© «Центрполиграф», 2017

Столица великого степного каганата, славная Орисса, пылала, и я видел это собственными глазами. Город, который считался удивительной жемчужиной всего изведенного мира и бывший пристанищем храбрых воинов, умелых ремесленников, тороватых купцов, пытливых умом учёных и естествоиспытателей, корчился от боли. Он кричал голосами своих жителей и молил о спасении, но все было тщетно. Враги пришли в безлунную ночь, когда горожане не ждали беды, и ворота им открыли предатели из пришлых беженцев. Тех самых, которые искали спасения и навлекли беду на приютивших их горожан.

Кто-то говорил, что всему виной богатство города. А кто-то – что доброта жителей Ориссы и беспечность правителей. Что сказать? Всё это имело место быть, но мы знаем правду и можем сказать, что всему виной любовь. Да-да, именно так. Самое прекрасное чувство на земле дало первый толчок к гибели блистательной Ориссы.

Впрочем, по порядку.

Началась эта история два десятка лет назад. С того момента, когда фергонский император Феоктист, ведущий тяжкую войну с кочевниками бордзу, получил тревожное известие. Он узнал, что в его многонациональном государстве племя рах открывает врагам империи врата городов. Причём делают это не отдельные представители племени, а все, кто принадлежит к ним по крови. Совет старейшин племени рах постановил, что превыше всего выгода, а не клятва верности. И с тех пор, как только бордзу подступали к очередному поселению фергонов, они тут же договаривались с кочевниками о собственной неприкосновенности и впускали их в пределы имперских городов. Но это лишь часть злодеяний племени изменников. Имелись доказательства человеческих жертвоприношений в честь рахского бога Ятгве.

Бордзу были суровы и безжалостны. Ведь они пришли не грабить, а отвоёвывать место под солнцем для себя и своих детей. Поэтому действовали соответственно. Каждый населённый пункт, будь то село, крепость или город, опустошался, и в нём вырезались все жители от мала до велика. Таков был закон завоевания – никаких пленников, полукровок, наложниц или рабов. Горе побеждённым! Смерть не сумевшим отстоять свою свободу! Полное уничтожение чужой культуры! Ибо так заповедовал великий учитель народа бордзу Ахра Сагабутай, человек, получивший наставления от бога. И каждый бордзу был уверен в правдивости и истинности этих заповедей, так как пример фергонов, которые пали из-за предательства чужаков, всегда был перед глазами, и они одерживали одну победу за другой. А кровавые обряды волновали кочевников мало. Убивают чужаков, а потому пусть рахи тешатся. Чем больше фергонов умрёт, тем лучше.

Император Феоктист был человеком без особых достоинств и талантов. Обычный правитель, в меру злой и подверженный чужому влиянию, символ государства, который озвучивает решения богатейших людей империи. Однако он держал возле себя умных и верных людей. Поэтому его реакция на предательство рахов оказалась мгновенной. Племя изменников собрали в огромные обособленные поселения и готовились целиком продать в рабство. Но не получилось. Старейшины племени сумели откупиться, и десятки тысяч рахов, избежав галер и каменоломен, отошли на территорию бордзу, которые беглецам не обрадовались. После чего военными вождями было сказано: «Да покинут рахи земли народа бордзу в течение одного года, а иначе – смерть».

Недолго думал совет старейшин, ибо решение требовалось принять быстро, и во все стороны света были посланы гонцы, высматривающие место, куда могли бы перебраться рахи. Прошло полгода, и посланцы вернулись с печальными новостями – нет на земле места для изгнанников и предателей, всё занято и поделено. И когда печаль воцарилась в сердцах рахов, удача улыбнулась им и пришла долгожданная радость. Нашлось государство, где не знали об измене рахов и где им будут рады, а называется оно – Дромский каганат. В тех местах уже проживал один небольшой род рахов, который за нежелание следовать канонам племенной веры был давным-давно изгнан и проклят советом старейшин. В каганате этот род изгнанников нашёл приют и прославился своими воинами, встававшими в битвах плечом к плечу с местными племенами. С той поры они в почёте, и именно этот род ходатайствовал перед каганом за тех, кто некогда прогнал их с родины. А взамен они просили принять отверженных обратно в племенное сообщество и снять проклятие.

Рассудив, что с воителями, а именно так назывался род рахов, живший среди степняков, разобраться можно позже, весь народ изменников покинул земли бордзу, и начался исход.

Долго длился путь изгнанников, и многое пережили рахи, пока наконец не достигли каганата. И радость их была велика, когда увидели они, в сколь прекрасное место попали.

По степным просторам и предгорьям, подступая к двум морям и контролируя многие торговые пути, раскинулось мощное государство дромского кагана Бравлина. И именно тогда, как говорят хроники рахов, решили старейшины племени изгнанников, что эта земля должна принадлежать только им, а все иные народы обязаны почитать изгнанников за первородных и избранных.

Воители встретили братьев по племени с распростёртыми объятиями и оказали всю возможную помощь. После чего верховный старейшина народа рах вместе со всей семьёй был представлен кагану. И в этот день младший сын Бравлина, храбрый Сивак, увидел прекраснейший цветок рахского народа – дочь старейшины Лебы черноокою Шайну. И такой воспылал он страстью, что, несмотря на запреты жрецов и отца, сделал очаровательную Шайну своей второй женой.

Со временем отец простил сына-ослушника и назвал внуков от чужеземки своими потомками, и таким был первый шаг совета старейшин на пути к власти. Год сменялся годом, Бравлин старел, а рахи, так и не признав воителей за родственников и не сняв с мятежного рода проклятье, освоились на новом месте.

Ничего не жалели они для того, чтобы получить ещё маленький кусочек власти, ещё одну капельку, ибо каждый представитель племени знал, что со временем всё потраченное вернётся стократно. Надо улыбаться каждому чиновнику в каганате, каждому стражнику, каждому сборщику налогов. Необходимо обрастать связями, и все эти усилия не будут напрасны, ибо сказано – не может быть так, что первородный и избранный народ будет страдать вечно. Поэтому обманывай, лги, лжесвидетельствуй, убивай, но достигни вершины – это и есть суть всей жизни настоящего раха. Что может быть слаще, чем вкрадчивой змеёй проникнуть в приютивший тебя дом и убить хозяина. А потом завладеть всем, что тот имел, и принудить его жену к сожителству. От таких мыслей у каждого настоящего раха теплело на сердце, и они старались стать своими для местных жителей. Усилий было приложено много, и они в этом весьма преуспевали.

Вновь летели годы. Старейшина Леба учил своего внука Каима, сына Сивака, счёту и грамоте, а заодно тем вещам, которые в степном обществе были неприемлемы: лгать, обманывать, подличать, пресмыкаться перед сильными и льстить. И так умён был Леба, так

убедителен и красноречив, что Каим стал считать себя рахом, а не дромом. А когда наступил срок, он стал готовиться к захвату власти в обход всех правил и традиций и сделал ставку на родственников по материнской линии.

Прошло двадцать лет со дня прибытия рахов на земли дромов. Каиму исполнилось девятнадцать, и он решил, что для свержения старой династии всё готово. А Леба его решение одобрил и отдал приказ своим сторонникам действовать.

Неожиданно скоропостижно умер каган Бравлин. А вслед за ним скончались от неизвестной болезни и отправились на погребальный костёр многие его родственники. После чего в живых остались только трое: великолепный воин Смил сын Твердоша, малолетний Вернигор сын Баломира и Каим сын Сивака. Все права на престол были у Вернигора, вторым шёл Смил, и только третьим – Каим. Многое зависело от народа, кого он поддержит, и рахи распустили по всей Ориссе слух, что проклятие чужеземных колдунов настигло династию дромичей. Спасения нет, и единственный шанс уцелеть – признать нового бога и сделать каганом Каима. Грозные знамения, предсказанные старейшинами рахов, сбывались с точностью до минуты. Вести о врагах, идущих на столицу со всех сторон, будоражили людей, и они заколебались. Сначала тихо, потом вполголоса, а затем и в крик горожане потребовали от государственного совета посадить на престол Каима.

Советники и соратники умершего Бравлина совещались всю ночь и поутру решили, что придётся пойти навстречу желаниям народа. Всё, что угодно, лишь бы не допустить смуту. Но тут своё веское слово сказала гвардия – три полка элитных воинов. Как было завещано предками, гвардейцы собрались в круг и решили, что следующим каганом, до совершеннолетия Вернигора, станет Смил сын Твердоши.

Гвардия заняла свою позицию в споре. Возразить грозным бойцам никто не посмел, и нового повелителя дромов вознесли на щиты, а затем понесли во дворец. Народ, видя, что снова есть каган, то есть твёрдая рука, о Каиме забыл и принялся праздновать. Беспечные горожане, столичные стражники и гости Ориссы веселились от души. Вокруг спокойно, и дозоры докладывали, что вести о приближении врагов – ложь. Поэтому никто не ждал беды, а зря.

Ночью к городу подошли многочисленные отряды наёмных горцев из племён гуранг. Войска, должны охранять границы, пропустили их без препятствий. А городскую стражу частью купили, частью перебили боевые дружины рахов. Ворота светлейшей и сиятельной Ориссы распахнулись, и в столицу ворвались орды дикарей, готовых за рахское золото убивать всех, на кого укажут наниматели.

Закипела на городских улицах кровавая резня, и только гвардейцы не отступили, не предали старых традиций и до последнего бились, защищая свой дом и кагана. Однако силы были неравны. На каждого гвардейца пришлось не менее десятка горских воинов и мощь напоённого кровавыми жертвоприношениями древнего амулета-артефакта «Блёклая Луна». Исход был очевиден, и всё, что смогли сделать дромы, – пробить-прорубить дорогу из города. После чего отправили в дружественный Штангорд своих детей, а сами снова ринулись в битву и проиграли. Так пала Орисса, и на престол взошёл каган Каим, марионетка в руках своего деда и других старейшин народа рах.

После гибели гвардейцев и разорения Ориссы гуранги стали служить новому правителю. Каим издал указ, что племя рах признаётся первородным и избранным народом, которому иные племена, населявшие каганат, обязаны верно служить. Все воинские формирования, кроме наёмных частей, были распущены, а народ дромов, потеряв в столице

свою элиту, попал в пожизненную кабалу. Род воителей был признан вне закона, принял бой против своих братьев по крови и почти поголовно изничтожен. По слухам, гуляющим среди беженцев-дромов, Вернигор сын Баломира всё-таки уцелел и воспитывается в некоем степном племени, ждёт своего часа и готовится вернуть трон предков. Однако, скорее всего, это неправда. А что сейчас творится в землях благословенного Рахона, бывшего Дромского каганата, мне толком неизвестно, ибо я давно покинул те края. Слышал, что Ориссу отстроили заново. А ещё, основываясь на слухах, могу сказать, что там насаждается новый религиозный культ преклонения перед богом Ятгве, а все племена великой степи признаны рабами этого бога.

Исторические заметки неизвестного автора

1. Пламен

– Пламен, бежим! – услышал я крик моего дружка Звенислава и со всех ног помчался прочь. Бежал не оглядываясь, петляя между прохожими и ранними покупателями. Только бы успеть проскочить площадь Умельцев. А потом будет проще – нырнуть в проулок, спуститься к реке и раствориться в городе. После чего ищите нас, стражники. Такой босоты, как мы, вокруг много ошивается. Попробуй узнай, кто стянул в лавке Толстого Петры свежий румяный каравай.

Позади истошный вопль булочника:

– Ловите вора! Люди добрые! Обокрали честного гражданина Штангорда! Куда смотрит стража?!

Плевать! Пусть кричит. Главное – успеть к заветному проулку.

Ко мне протянулись чьи-то руки, но я смог увернуться. Упал и по скользкой жиже, словно на санках, проскочил под вонючим рыбным лотком. Пока везёт. Я быстро поднялся и помчался дальше. Сердечко бешено колотилось, и ноги слегка дрожали. Но я должен бежать и не мог допустить, чтобы слабость и волнение мне помешали. Только замри на месте – и стражники сцапают. А они дядьки суровые, не посмотрят на малолетство и накажут. В лучшем случае от души плетью отходят. А что будет в худшем, даже думать не хочется.

Наконец переулок, и я в безопасности.

Глубоко выдохнул и через силу улыбнулся. Я успел, смог сбежать и не попался. Теперь можно не спешить, ибо это привлекает внимание.

Рядом пристроился Звенислав, достав из-за пазухи кусок пахучего вкусного хлеба. Рот мгновенно наполнился слюной, и я протянул ему ладонь.

– Держи. – Напарник вновь засунул грязную руку за ворот драной рубахи, отщипнул от спрятанного под ней каравай огромный кус и вложил его в мою ладонь.

Хлеб. Как же давно я его не ел! Месяца два, не меньше. Поэтому моментально вцепился крепкими зубами в ломоть и стал рвать на части, а затем, не жуя, заглатывать. Я подавился, но вновь рывок зубами. Следует спешить, поскольку у мадам Эры – госпожа Эрмина Хайлер, директор сиротского попечительского приюта, – надо быть до подъёма. А появиться с хлебом всё одно что подписать себе приговор. Она милосердием не страдает. Выгонит на улицу или стражникам сдаст.

Впрочем, мы успевали. И к тому моменту, когда миновали длинную загаженную отбросами улицу, прошли через мост и оказались в своём квартале, весь каравай уже был съеден, и в животе поселилось приятное чувство сытости.

Звенислав покосился на меня и сказал только одно слово:

– Хорошо.

– Хорошо, – согласился я и добавил: – Вот только примелькались мы уже. При желании стражники нас в два счёта найдут.

– А-а-а... – Дружок беззаботно махнул рукой. – Двум смертям не бывать, одной не миновать.

Мы подошли к забору нашего приюта и осмотрелись. Рядом никого. Отогнули прогнившую доску и осторожно пролезли во двор.

Делая вид, что мы никуда не отлучались, а просто вышли на свежий воздух, вернулись в свой барак и сделали это очень вовремя. Не успели лечь на свои нары, которые были

накрыты прелой соломой, как прозвучал крик старшего воспитателя Матео:

– Подъём, сучата! Пора отрабатывать свой хлеб, курвёныши! Ишь, разоспались, дармоеды! Великий герцог Штангордский, сиятельный Конрад Третий, да ниспошлют ему боги доброе здоровье и долголетие, заботится о вас! А вы только жрать и спать горазды, ублюдки!

Это ничего. Сегодня он ещё добрый. Обычно с плетью входит и на нас свою злобу вымещает. А к вечеру выпьет хмельной сливовки и пойдёт. Однако до вечера далеко, и сейчас надо пошевеливаться, резво вскочить и выбежать на построение перед баракком. Матео, как всегда, пусть не плетью, но кованым сапогом огребёт по копчику. Как правило, это будет кто-то из девчонок. Их Матео любит бить больше всего, извращенец. А вчера я заметил, как они с воспитателем Гильомом стояли возле кухни и смотрели на девчонок из нашей группы. Нехорошо смотрели, не по-доброму, и мне показалось, что особенно пялились на Сияну. Твари! Убью!

Большой гурьбой сироты вывалились во двор и построились по четыре человека в ряд. Три прямоугольника, десять на четыре, итого сорок человек в каждом. Одна коробка – один барак, все вперемешку, мальчишки и девчонки разных возрастов, от десяти до пятнадцати лет.

Мы – это всё, что осталось от каганата дромов, как нам говорят. Наверное, это так, но я давно уже не верю воспитателям, а кого-то другого, кто бы мог это подтвердить, ни разу не видел. И всё, что у меня есть от прошлого, – небольшая татуировка на правом предплечье: неведомый хищный зверь в плетении травяного узора. У остальных приютских мальчишек тоже есть татуировки. Разные. Как правило, звери. Но что они значат, никто объяснить не мог или не хотел. Нам бы день прожить и в ночь уцелеть. Поэтому зачем думать о том, что бесполезно, не помогает и никак не влияет на жизнь, а, наоборот, может вызвать ярость воспитателей? Вот мы и молчим. Только между собой можем что-то обсудить, а всех остальных людей привыкли воспринимать как недоброжелателей.

– Бегом, доходяги! – зарычал Матео, и мы разбежались по рабочим местам.

Мальчишки метут двор и рубят дрова. Девчонки по хозяйству, готовят завтрак, прибирают в бараках и домике воспитателей.

Мне без разницы, что делать. Но больше всего я люблю колоть дровишки, ибо каждый раз, когда колун входит в сучковатый чурбак, представляю себе, что это голова одного из воспитателей или мадам Эры. Опять же мускулы хорошо растут после такого труда. А они мне нужны. С пропитанием в приюте всё хуже, а организм требует своё. Вот и приходится постоянно выбираться в город, еду воровать, а там шпана местная. Но ничего, мы с дружкой паренки хоть и худые, но крепкие и жилистые. Пару раз всерьёз схватились с попрошайками и заставили себя уважать. Сначала подрались, а потом они стали нас к себе звать. Нормальные парни оказались. Такие же, как и мы, только местные.

– Завтрак! – вновь прозвучал голос Матео, и я побежал к столу.

Нельзя показывать, что сыт. Могут строго наказать, тут не забалуешь. Парня из первой группы, Курбата, как-то поймали с яблоком в кармане, и ему влетело. Пороли всерьёз и до тех пор, пока он сознание не потерял. Как Курбат выжил, не понимаю. Однако вон он стоит. Хоть и горбатый, но живой.

На завтрак баланда из кипяченой воды и квашеной гнилой капусты с тремя рыбьими головами на сорок человек. Не густо.

Торопливо проглотив неаппетитную мутную жидкость, я встал из-за стола и побежал к

воспитателю Джузеппе. Он сегодня на раздаче рабочих мест, и есть вариант выбрать. Звенислав уже здесь, и Джузеппе, единственная добрая душа в этом поганом месте, спросил:

– На двоих?

Мы согласно кивнули, воспитатель не любит говорливых, и он небрежно бросил нам:

– Улица Башмачников, дом девять. Мадам Элоиза, поможете по хозяйству.

Мы вновь кивнули и, пока нас не остановил другой наставник, выбежали за ворота.

Мадам Эло-и-за – женское имя звучит для нас как музыка. Это сердобольная, разбитная и симпатичная вдовушка тридцати лет, которая своим безудержным темпераментом довела до инфаркта престарелого мужа и стала владелицей совмещённого с мастерской обувного магазинчика. Мы у неё уже бывали и работу свою знаем: навести чистоту и порядок, перетаскать обувь из мастерской на склад и пробежаться с её письмами по городу. Всё несложно, а кормит она хорошо. Не жадная в этом отношении тётка.

– О-ля-ля. – Мадам Элоиза встретила нас на входе. – Пламен и Звенко. Очень хорошо.

Она сказала, что делать, и мы приступили к работе. Так проходит весь день, и, сытно поев объедками, которые остались от рабочих, уже в сумерках мы вернулись обратно в приют.

Снова построение, нас пересчитали по головам, и в очередной раз мы навели порядок на территории. Затем ужин, который опять торопливо вливаем в себя, и отбой. Так прошёл ещё один день, и можно немного отдохнуть, но я заходить в барак не торопился.

Мой взгляд прикован к Матео и Гильому, которые подозвали Сияну и о чём-то её спрашивали. А она покраснела и отвернулась. Эти похотливые скоты засмеялись, но пока не решились потянуть её к себе в домик силой. Однако они уже близки к этому.

Вообще, я давно заметил, что наши девчонки, которые постарше, привлекают нездоровый интерес местных. Взять хоть Сияну. Светловолосая стройная голубоглазая красotka среди горожанок выделяется сразу. Те, как на подбор, полненькие, кареглазые, и волосы курчавые. Симпатичных много, но наши девчонки лучше. Есть в них помимо внешности какой-то внутренний огонь. Что-то настолько светлое и доброе, что это хочется беречь и защищать.

Звенислав и я зашли в барак. Остановились возле двери и подождали Сияну. Она вошла, прислонилась к деревянным доскам стены и украдкой смахнула с глаз слёзы.

Переглянувшись, мы подошли к девчонке, и я спросил:

– Сияна, солнышко, что случилось?

Она не ответила, молчала и смотрела на нас исподлобья. Поэтому Звенислав обнял её за плечи и прижал к себе, а затем, словно неразумного малыша, погладил по голове.

– Успокойся, – прошептал он. – Мы с Пламеном тебя в обиду не дадим.

– Как же, – всхлипнула Сияна. – Они вон какие бугаи, а вы ещё мальчишки.

– Зато мы крепкие, – усмехнулся я. – Любого за тебя сломаем.

– Это точно, – поддакнул Звенислав. – Что они сказали?

Девчонка успокоилась и, шмыгая покрасневшим носом, ответила:

– В домик к себе звали. Кормить обещали хорошо и приодеть, если стану с ними повзрослому баловаться. А ещё они сказали, чтобы до послезавтра решила. Иначе силой возьмут, а потом в портовый бордель мамыши Ритоны продадут.

Наклонившись к уху Сияны, я прошептал:

– Тебя никто не тронет, обещаю. Завтра ночью они в кабак пойдут, а там их наши друзья встретят.

Понимаю, что соврал девчонке, ведь нет у нас никаких друзей, но так спокойней. Мы сами всё сделаем, давно к этому готовимся. Но ей об этом знать не надо.

Сияна недоверчиво посмотрела на нас. А мы сделали значительные лица. По крайней мере, попытались, и она, хмыкнув, ушла в свой угол.

Обсудить проблему решили завтра, а пока надо выспаться.

Упав на жёсткие нары, я закрыл глаза и попытался заснуть. Однако сна не было, потому что в голову лезли воспоминания о прежней жизни.

Сколько мне было, когда нас привезли сюда? Лет пять, именно так записано в приютской метрике. Так что воспоминаний немного. Но я попытался сосредоточиться, прорваться сквозь застилающий память вязкий туман, и вновь ничего не получалось. Непробиваемая муть, серая и холодная. Но я сделал ещё одно усилие, и появились разрозненные куски, обрывки и клочья видений.

Вот отец в пластинчатом доспехе, настолько хорошем и дорогом, что равного ему я даже у стражников герцога не видел. Он ранен в левую руку, но в его правой грозно блестит обоюдоострый меч. Вижу его со спины, и он кричит кому-то: «Булан, спаси детей! Сбереги их! Надеюсь на тебя, друже!» Всё! Больше ничего. И только ощущение рук, крепких, сильных и надёжных. Эти руки держали меня, малыша, а мне было так радостно на душе, что хотелось смеяться. А ещё – чтобы это никогда не кончалось.

Я открыл глаза. В бараке темно, и только такие же мальчишки, мои братья по несчастью, посапывают вокруг.

Вновь я опустил веки и попытался вспомнить мать. Но и в этом случае всплыло только одно воспоминание. Взгляд, добрый и в то же время серьёзный, полный какой-то непонятной мне решимости. Напрягся и увидел только её глаза, полностью чёрные и глубокие, словно бездонное озеро. А ещё услышал голос и разобрал слова, которые размеренно, в неведомом завораживающем ритме, зазвучали в моей голове. Впервые я их услышал и попытался запомнить:

«Ложилась спать я, внучка Сварожья Мара, в тёмную вечернюю зорю, темным-темно. Вставала я, внучка Сварожья Мара, в красную утреннюю зорю, светлым-светло. Умывалась свежей водой, утиралась белым платком. Пошла я из дверей в двери, из ворот в ворота, и шла путём-дорогою, сухим сухопутьем, ко океан-морю, на свят остров. От океан-моря узрела и усмотрела, гляючи на восток красного солнышка, во чисто поле, стоит семибашенный дом. А в том семибашенном доме сидит красная девица. А сидит она на золотом стуле, сидит, уговаривает недуги, на коленях держит серебряное блюдечко, а на блюдечке лежат булатные ножички. Вошла я, внучка Сварожья Мара, в семибашенный дом, смиренным-смирнёхонько, головой поклонилась, сердцем покорилась и заговорила:

– К тебе я пришла, красная девица, с просьбой о сыне моём, внуке Свароговом Пламене. Возьми ты, красная девица, с серебряного блюдечка булатные ножички в правую руку. Да обрежь ты у сына моего Пламена белую мякоть, ощипи кругом него и обери: скорби, недуги, уроки, призорыки, затяни кровавые раны чистою и вечною своею пеленою. Защити его от всякого человека: от бабы-ведуньи, от девки простоволосой, от мужика-одножёнца, от двоежёнца и троежёнца, от черноволосого и рыжеволосого. Возьми ты, красная девица, в правую руку двенадцать ключей, и замкни двенадцать замков, и опусти эти замки в Океан-море, под Алатырь-камень. А в воде белая рыбица ходит, и она бы те ключи подхватила и проглотила. А рыбаку белую рыбицу не поимывать, ключей из рыбицы не вынимать и замков не отпирать. Недужился бы недуг у сына моего, внука Сварогова Пламена, по сей день, по

сей час. Как вечерняя и утренняя заря станет потухать, так бы и у него, добра молодца, всем бы недугам исчезать. И чтобы недуг недужился по сей час, по моё крепкое слово, по мой век.

Заговариваю я сына своего, внука Сварогова Пламена, от мужика-колдуна, от ворона-каркуна, от бабы-колдуньи, от старца и старицы, от жреца и жрицы. Отсылаю я от него, добра молодца, всех по лесу ходить, игольник брать. По его век, и пока он жив, никто бы его не обзорочил и не обпризорил».

Мягкий завораживающий голос той, которая выносила меня под своим сердцем и подарила жизнь, смолк, и я всё же провалился в глубокий спокойный сон. А в этом сне мне казалось, что я качаюсь на согретых ласковым солнцем мягких тёплых волнах. Куда-то падаю, медленно и неспешно. А потом взрываю ввысь, под самые облака, и парю в синеве небес вместе с птицами. Сон-мечта. Сказка. И так хорошо мне ещё никогда не было...

2. Пламен

– Подъём, убудки! – Вновь из объятий сна меня вырвал гнусавый и одновременно громкий голос воспитателя Гильома.

Вскочив, я помчался к выходу. Но сегодня сон медленно отпускал меня, и я оказался последним.

Воспитатель замахнулся и хотел ударить меня ногой. Но я на ходу сжался, чтобы удар прошёл вскользь, и у меня это получилось. Боли практически не было. А Гильом, досадливо сплюнув, прошипел вслед:

– У-у-у, змеёныш... Вёрткий...

День начинался как обычно: уборка во дворе приюта, на завтрак баланда и распределение на работы в город.

Нам с другом выпал порт. Без разъяснений, прибыть к мастеру-такелажнику Громину на пятый причал. Порт далеко, половину города пройти надо. Тем более что идти приходится окраинами, поскольку попадаться стражникам нельзя. Ведь это позор, что приютские дети, находящиеся на обеспечении великого герцога, – голодные оборванцы, работающие ради обеда. Мадам Эру пару лет назад уже предупреждали. После чего Стойгнев, который стражникам попался, просто исчез, словно и не было его никогда.

В порт добрались без приключений и пришли в срок. Мы быстро нашли нанимателя, и мастер-такелажник Громин, невысокий полноватый мужик с огромными висячими усами, проворчал, что работники из нас никакие. Но тем не менее назад не отослал. Уже неплохо.

Работа выпала тяжёлая – таскать мешки с мукой на галеру, которая отправлялась за океан. И вроде бы мешков не так уж много, всего три сотни. Однако каждый по полсотни кило, и таскать приходилось издалека. Только деваться некуда, и мы трудились. С порученным заданием справились, закончили после полудня, и подобревший Громин разрешил побродить по галере.

Мы ходили по кораблю по пояс голые. Ведь рубашка у каждого одна. Пусть плохонькая, в дырах и грязная, но она есть. И нам всё было интересно, в новинку. А поскольку никто нас не гнал прочь, мы размечтались. Вот бы собрать всех наших приютских, нагрузить такую галеру припасами и отплыть в далёкие страны, где нет нужды и все счастливы. Да вот только есть ли подобное место на земле? Вряд ли. Поэтому наши фантазии всего лишь очередные мечты двух приютских мальчишек...

– Эй, парни! – откуда-то снизу окликнул нас сиплый и явно простуженный голос. – Эй, сюда! Скорей, пока надсмотрщика нет!

Оглядевшись, мы увидели, что из-под деревянной решётки рядом с нами просунулась рука и манит к себе. Что делать? Решили подойти.

Приблизились с опаской. Понятно, что это галерные гребцы, а они сплошь кандальники. И что у них может быть на уме, неясно.

– Чего надо? – остановившись рядом с решёткой, спросил я гребца.

– Заработать хотите? – вместо ответа спросил сиплый кандальник, лица которого мы не видели.

– Ну допустим.

– Таверну «Отличный улов» знаете?

О такой таверне мы слышали. Не так уж и далеко она от нашего приюта располагалась.

Место с дурной славой, где сорят деньгами тёмные личности и где можно получить всё, что душа пожелает, от лучших распутных девок до наркотиков. Разумеется, если у тебя есть деньги и ты свой.

– Знаем. – Мой голос был спокоен, и почему-то в этот момент я подумал, что судьба даёт нам шанс переменить жизнь, а возможно, что и жизнь всех приютских.

– Тогда сходите туда, найдите Кривого Руга и передайте привет от Одноглазого. Скажите, что я с братвой на галере «Попутный ветер» и с утренним бризом мы отходим. Так что если он помнит обещание прийти на помощь в трудную минуту, то пусть выручит нас. В накладе не останется, Одноглазый добро помнит. – Кандальник закашлялся, а потом с надеждой в голосе спросил: – Сделаете, парни?

Опережая Звенислава, который хотел отказаться, я ответил Одноглазому:

– Сделаем, слово даю.

– Давайте, парни, – опять просипел кандальник. – И говорю при всех, кто здесь внизу со мной одно весло тянет: не забуду вас, отблагодарю.

Мы отскочили от решётки и сделали это вовремя, поскольку на палубе, играя длинным бичом, появился надсмотрщик, который мне сразу не понравился, очень уж на наших воспитателей походил. Такой же, как и они, наглый и раскормленный боров.

– Что тут, нормально? – спросил он и нахмурился. – Ничего не украли?

– Нет, дяденька, – дружно ответили мы.

– А ну-ка, карманы выворачивайте, босяки!

Вывернув карманы штанов, мы показали, что в них, как всегда, гуляет ветер.

– Идите жрать, босота, – бросил он нам, и мы в надежде перекусить помчались обратно на причал.

Однако всё, что нам дал мастер-такелажник Громин, – по мелкой солёной рыбке и по сухой лепёшке. Этим сыт не будешь, и можно сказать, что проработали мы на благо мадам Эры весь день, а сами ничего не получили. Хозяйка за наш труд своё точно получит, а мы вновь голодные.

Впрочем, спорить с Громином о еде бесполезно. Пусть жадобе на том свете зачтётся за скардность. Поэтому, быстро съев скудный обед, мы покинули порт и отправились в приют. Но перед этим сделали небольшой крюк и свернули в Старую гавань, где, собственно, и находилась таверна «Отличный улов». Звенислав идти не хотел, место опасное, но я его уговорил, и мы двинулись в нужном направлении.

Давным-давно Старая гавань была весьма преуспевающим районом города Штангорда. Здесь разгружались большие торговые караваны из заморских стран, и у причалов стояли большие океанские корабли. Но со временем изменились приливные течения, гавань стала заливаться и сильно обмелела. После чего состоятельные граждане покинули Старую гавань, а на их место заселились те, кому в престижном белом городе не рады: мошенники, воры, попрошайки и убийцы. Место, как уже было сказано, опасное, и сюда даже стража герцога не ходит. И ладно бы здесь всё было пущено на самотёк. Однако нет, в этом районе уже лет двадцать бессменно правил папаша Бро. Для кого-то жуткий ночной хозяин, а для кого-то поилец, кормилец, защитник и отец родной.

Мы прошли квартал моряков и пересекли невидимую границу между нормальными людьми и теми, кого называют отбросами общества. До таверны «Отличный улов» недалеко, должны проскочить незаметно и быстро. Но не тут-то было, нас вскоре окликнули:

– Стоять, шваль!

Мы обернулись и увидели, что к нам подходит крепкий восемнадцатилетний парень, а за его спиной три наших ровесника.

– Вы чего, зверёныши, – старшина босяков сразу наехал на нас, – не в курсе, что на территорию папаши Бро вам прохода нет?

– Мы по делу, – ответил я резко.

– По какому такому делу?

Парню было скучно и хотелось подраться. Поэтому он медленно, явно напоказ стал закатывать рукава рубахи и кидать взгляды наверх.

Я тоже посмотрел, куда и он. После чего всё понял, поскольку увидел в окне второго этажа миловидное девичье личико. Местный парень вроде как при деле, шваль гоняет и оберегает владения папаши Бро. А помимо того появилась возможность покрасоваться перед красоткой. Драки не избежать – ясно. И что делать? В таких случаях закон один: «Бей первым».

Быстро нагнувшись, я вытащил из разбитой мостовой облепленный грязью булыжник и, разгибаясь, в полную силу ударил здоровяка в челюсть. Немного смазал, однако этого хватило. Поскольку противник без крика и стопа упал наземь. Нужно развивать успех, и, размахиваясь камнем, я бросился на остальных бродяг и закричал:

– Убью!

Видимо, я выглядел убедительно, ибо два местных оборванца, не принимая боя, бросились бежать. И только один, оставшись на месте, склонился над заводилой. Он пощупал вену на его шее, а потом посмотрел на нас и спокойно сказал:

– Валите отсюда, а иначе вас на перо поставят. Нападение на человека папаши Бро, пусть даже мелкого, это очень серьёзно.

Звенислав потянул меня в сторону квартала моряков, но я упёрся:

– Нет, сначала в таверну. Мы слово дали.

Мой друг обречённо кивнул, и мы побежали к таверне. Хороший у меня товарищ, не бросил, да и как может быть иначе, если мы всю жизнь бок о бок.

Добежали до таверны «Отличный улов» больше без помех. Оказались внутри, но сразу же нас схватил вышибала, верзила, одетый по всем местным понятиям, в кожаную безрукавку на голое тело и яркие цветастые шаровары из прочнейшей тригонской ткани.

– Куда? Стоять! – зарычал он, и его руки дёрнули нас за рубахи.

Звенислав промолчал, и снова отвечать пришлось мне:

– Дядька, нам Кривой Руг нужен, слово для него несём.

Вышибала напрягся, о чём-то думая. Но, видимо вспомнив хорошо заученные слова, выдал:

– Не положено, вечером приходите. Кривой Руг сейчас отдыхает.

– Нам очень надо, и он не станет ругаться, это в его интересах, – продолжал настаивать я и попробовал вырваться из рук раскормленного вышибалы.

– Кто там? Что за шум, Гонзо? – Из кухни вышел хозяин, весьма известная в городе личность, Дори Краб, которого мне один раз показывали в городе босяки.

– Да вот, хозяин... – Вышибала встряхнул нас за шиворот. – Говорят, к Кривому Ругу пришли.

– Зачем? – Пронзительные и чем-то завораживающие глаза Дори Краба раскидали меня на составные части, классифицировали и в ожидании ответа застыли на моём лице.

С этим можно не юлить, человек серьёзный, и я ответил честно:

– Ему привет от Одноглазого и слово.

– Отпусти парней, Гонзо, – бросил Краб, и руки вышибалы сразу разжались.

– Сядьте в уголке где-нибудь, – сказал Дори, и мы, примостившись на широкую лавку возле входа, принялись ожидать появления того, к кому пришли.

Кривой Руг, немного скособоченный на правую сторону немолодой мужик, спустился со второго этажа минут через десять. Неспешно прошёл за центральной стол, сел и, нехотя взмахнув рукой, подозвал нас:

– Сюда двигайте.

Мы подошли. Но, не решаясь без приглашения сесть за один стол с таким авторитетным в криминальных кругах человеком, остались стоять. Он это оценил и, хмыкнув, пробурчал:

– Садитесь, – и тут же крикнул в сторону кухни: – Марта, пожрать чего-нито сообрази по-быстрому.

Марта, широкоплечая пожилая женщина, словно ждала этого, и на столе моментально возникло огромное блюдо с морепродуктами: сборка из креветок, рыбы и салата. В животе предательски заурчало, а Кривой Руг великодушно кивнул на блюдо:

– Налетай, дела потом.

– Сначала дело. – Я с тоской посмотрел на рыбное богатство перед нами и с трудом отвел взгляд.

– Деловой... – протянул бандит со значением. – Уважаю таких, достойная смена растёт.

– Какой есть, – пожал я плечами.

– Ладно, выкладывай, что в клювике принёс.

И я рассказал всё как есть. Кривой Руг слушал внимательно и время от времени задавал уточняющие вопросы. Потом встал, отошёл и переговорил с хозяином таверны. И пока авторитетные люди решали свои вопросы, мы набросились на угощение. За несколько минут смели всё, что находилось на столе. И когда уже не влезало, Звенислав потянул со стола оставшийся хлеб, чтобы спрятать где-нибудь по дороге, а потом снова подкормиться.

– Оставь, – шикнул я на друга. – Так не делается. Не к Элоизе на работу пришли, а к людям с понятием. Здесь ешь, а с собой тянуть не смей.

Звенислав нехотя вернул хлеб на стол, а к столу снова подошёл Кривой Руг и одобрительно хлопнул меня по плечу:

– Молодца! Какую награду за слово от Одноглазого хотите?

– Нам бы с района целыми уйти, – ответил я.

– А в чём дело?

– Нас парни папаши Бро на границе кварталов остановили, пришлось старшего вырубить.

– Это всё? – удивился Руг. – Ни денег, ни проблемы порешать, ничего не надо?

– Слава богам, с проблемами сами разбираемся, а вот оказать вам помощь, пусть даже незначительную, уже честь, – сказал я, стараясь казаться пошире в плечах и повыше ростом.

Кривой Руг засмеялся, и все присутствующие при разговоре его смех подхватили. Вору ответ понравился, и он, вновь одобрительно стукнув меня по плечу, усмехнулся:

– И снова молодца. Не проси никогда ничего. Всё, что нужно, сам возьми. Однако, если будут проблемы, заходи, не стесняйся. Пусть меня на месте нет, Дори тебе поможет.

Нас отпустили. В сопровождении громилы Гонзо мы покинули Старую гавань, и на улице, в том самом месте, где столкнулись с ребятами папаши Бро, нас поджидали местные. Два десятка молодых попрошайек и один уже взрослый бандюган с огромным

тесаком на поясе.

– Гонзо, – окликнул нашего охранника ночной работник. – Приютских отдай, они нашего человека побили. За это ответить должны, по всем понятиям так.

Вышибала моментально набычился, расправил плечи и, как мне показалось, стал ещё больше. Гонзо исподлобья посмотрел на тех, кто нас поджидал, и выдохнул:

– Они друзья Кривого Руга. Если есть проблемы, все вопросы к нему. Чего неясно?

Бандюк папаши Бро пошептался с босяками, что-то для себя решил и велел мальчишкам очистить проход. Обошлось. Мы прошли мимо, оказались в квартале моряков и со всех ног припустили к приюту.

3. Конрад Третий

Бал прошёл великолепно, и Конрад Третий, великий герцог Штангордский, был вполне доволен. Его сын всё же присмотрел себе невесту, помолвка состоялась. День свадьбы назначен, и препон нет, а значит, в скором времени можно надеяться на внуков.

В общем, всё хорошо. А если бы не годы и старые ранения, полученные десять лет назад в великой степи при неудачной попытке урвать у колдунов-рахов кусок бывшего каганата дромов, то и совсем было бы отлично.

– Ваше сиятельство, – склонился к нему камердинер и распорядитель всех забав герцога виконт Штриль. – Кого из придворных дам желаете видеть этой ночью у себя в опочивальне?

– Никого, любезный Штриль, – поморщился герцог. – Сегодня мне необходим здоровый сон и не более того. Может быть, завтра...

– Понимаю, – угодливо кивнул виконт и, слегка взяв герцога под локоть, произнёс: – Позвольте вам помочь, ваше сиятельство.

– Не стоит. – Конрад стряхнул руку камердинера. – Я ещё не настолько немощен, виконт.

– Простите, милорд, – склонился в изящном полупоклоне камердинер, и его крысиные глазки нехорошо сверкнули.

Великий герцог прошёл в свою шикарную опочивальню, где его уже ждали массажисты и врачи-косметологи. Однако Конрад устало махнул рукой:

– Массажисты вон. Врачам только минимальный объём процедур.

Массажисты, два милovidных молодых человека, тут же вышли. А к герцогу подскочили слуги и помогли раздеться. Конрад лёг на кровать, и его моментально окружили косметологи. На лицо ему накинута пропитанная драгоценным маслом криапса маска из тончайшего льна. На тело надели рубашку, а на руки и на ноги чулки, пропитанные всё тем же маслом, которое, по слухам, исцеляло любые болезни и заживляло старые раны. Герцог очень надеялся, что это правда, поэтому каждый вечер терпел эти неприятные процедуры.

Спустя полчаса процедуры были закончены. Слуги и врачи-косметологи, задув свечи, покинули опочивальню герцога, и Конрад остался один. Он заснул, и произошло это сразу, как встарь, во времена военных походов, только смежил веки – и уже спишь...

Проснулся резко, точно так же, как и заснул. Что-то было не так, в спальне ощущалось присутствие постороннего.

«Убийца?! Вор?! Отравитель?!» – промелькнули в голове Конрада тревожные мысли, и он, стараясь не шуметь простынями, засунул руку под подушку. Ладонь нащупала рукоять тяжелого длинного кинжала, мизеркордии, верой и правдой служившей ему долгие годы, и герцогу стало немного легче.

– Кто здесь? – выхватив оружие, крикнул он в темноту.

Тишина. Ответа нет, и герцог, скинув с лица лечебную маску, крикнул громче:

– Стража, ко мне!

И вновь ничего, ни шороха, ни звука, никто не торопился к герцогу, словно никто не слышал своего повелителя. А между тем в углу опочивальни темнота сгустилась, и казалось, что протяни в эту черноту руку – и наткнёшься на преграду. Дрожащей рукой герцог нащупал на ночном столике поджиг, созданную далеко за морем механическую игрушку-диковину, и, клацнув колёсиком, подпалил фитили трёх свечей. Неровный желтоватый свет озарил

опочивальню, и только в одном из углов тьма стусутилась сильнее, и свет не мог её пробить.

– Кто здесь? – слегка дрогнувшим голосом повторил герцог.

Клок тьмы приблизился к нему и, зависнув, замер возле кровати. Герцог Конрад трусом никогда не был, но то, что пришло сегодня к нему в гости, не было живым врагом. Значит, кинжал ему вряд ли поможет.

Сердце герцога бешено колотилось, и Конраду стало страшно. Однако он собрался с силами и выставил перед собой кинжал, как последнюю преграду перед непонятной чернотой. Всё, что он сейчас мог сделать, – молиться богам-прародителям. И хотя в этом он никогда не был силён, пересохшими губами Конрад зашептал единственную молитву, какую знал:

– Великий наш прародитель и заступник бог Белгор. Отомкни врата небесные, помоги потомку твоему. Напитай тело и душу силой своей. И, выйдя из меня, да разрушат силы эти всё зло, направленное против меня, и сокрушат коварство недругов моих. И обратится зло против зла, на врагов моих. Славный Белгор, помоги, и мы не забудем предка своего. Слава!

Герцог осенил себя святым кругом и немного успокоился. А кусок тьмы продолжал висеть на одном месте, ничем не угрожая ему, и Конрад в очередной раз громко спросил:

– Кто ты или что? Отвечай!

Тьма зашевелилась, и в ней проступило скуластое лицо, которое герцог тщетно пытался забыть.

– Булан, это ты?! – изумлённо вскрикнул он и выронил кинжал.

Лицо в клочке тьмы исказилось злой гримасой, и раздался мертвенный равнодушный голос:

– Ты предал меня, Конрад. А ведь когда-то ты братом называл и в дружбе клялся. Пришло твоё время, герцог Штангордский. Ты не представляешь, как я умирал. В каких муках корчился и что отдал за то, чтобы ещё раз посмотреть в твои глаза.

– Меня вынудили! – вскричал Конрад Третий. – Рахи захватили мою семью, и я отослал тебя в ловушку. Так всё и было, поверь! И всё ещё можно исправить, ведь есть дети. Мы растим их, холим и воспитываем. Они вырастут и смогут перебороть колдовство рахов. Дай мне шанс, Булан! Умоляю тебя! Во имя былой дружбы!

– Нет, Конрад. – Голос призрака был печален. – Это не в моих силах. Кроме меня тебя прокляли все те, кого ты выдал рахам на смерть. Их тысячи, много тысяч женщин и детей, которых принесли в жертву Ятгве. Алтари несколько дней не высыхали от крови, и каждый из тех, кто там умирал, проклял тебя и весь твой род. Но всё ещё сильна была твоя удача, да только и она иссякла. Понимаю, почему ты прикарманил себе казну дромов. Понимаю, зачем ты выдал меня. Но ведь никто не заставлял тебя выдавать на смерть беженцев. Ты спас сына и жену, но погубил свой народ. Твоя жена понимала, какой ценой и благодаря чему она осталась жива. Поэтому и угасла, как свеча, прикрывая твоё клятвопреступление своей жизнью.

Герцог скатился с кровати и, став на колени перед духом давно умершего вождя воителей, прошептал:

– Дети, Булан. Есть дети. Пусть это зачтётся мне. Булан, ещё есть возможность что-то исправить. Но я должен жить.

– Дети! – Призрак горько засмеялся. – Их осталось чуть больше сотни, а была полная тысяча. У этих юных дромов свой путь, и как они его пройдут, зависит только от них самих. Пусть они уже через многое прошли: испытали холод, голод, унижения. А впереди их ждёт

ещё больше. Никто из богов не будет помогать им напрямую, ибо не ведают они богов, ни своих, ни чужих. Но именно они решат судьбу Штангорда, принесут гибель твоему народу или спасение. А тебе осталось жить всего один час, и распорядись временем с умом. Всё, что я хотел тебе сказать, сказано, и моё время в мире живых ограничено. Прощай, Конрад. Мы больше не встретимся, ибо у каждого своё место после смерти, свой рай и своё пекло.

Призрак Булана всё той же тёмной кляксой скользнул в угол, из которого вышел в мир живых, а затем раздался резкий хлопок воздуха, и он исчез.

Герцог Конрад упал на пол, и кулаки его бессильно ударяли в бездушные восточные ковры, которые покрывали каменный пол. А потом он поднял голову к потолку и прокричал:

– Боги! За что?! Пусть я виновен, так покарайте меня одного! Но почему должны погибнуть мой народ и моя кровь?!

Ответа не было. Зато в опочивальню с обнажённым оружием влетели охранявшие покой герцога стражники.

– Что случилось, ваше сиятельство? – склонился над герцогом капитан дежурной смены. – Может, вызвать врача?

– К бесам всех врачей! – выкрикнул герцог. – Моего сына сюда, живо! И верховного жреца бога Белгора!

Стражники унеслись разыскивать жреца и молодого герцога, а по замку разнеслось:

– Герцог смертельно болен! Война! Пожар! К оружию! Измена! Стража, на помощь герцогу! Скорее врача!

Конрад понимал, что он находится в своём уме и памяти. Поэтому знал, что призрак Булана – не морок, насланный неведомым колдуном. А ещё он чувствовал, как по каплям жизнь покидает его. Минута проходила за минутой, ничего уже не изменить, но именно в этот момент Конрад окончательно успокоился. Он смог собраться с мыслями и решить для себя, что нужно сделать и сказать перед смертью.

Верховный жрец Белгора достопочтенный Хайнтли Дортрас вошёл первым. За ним по пятам в опочивальню влетел единственный сын герцога и его наследник, будущий Конрад Четвёртый.

– Что случилось, милорд? – спросил жрец.

– В чём дело, отец? – вторил ему сын герцога.

Конрад Третий сел на своё ложе и усталым голосом сказал:

– Присаживайтесь, у нас есть полчаса, и я должен многое поведать.

Жрец и сын герцога расположились в креслах, и Конрад начал свой рассказ:

– Это случилось ещё до твоего рождения. – Герцог взглянул на сына. – После того как бордзу получили отпор в Фергоне, они собрали все свои силы и рванулись на вольные герцогства. Первым пал Ангрил, вторым – Перенгар, третьими на очереди были мы. Бордзу были сильными и суровыми бойцами, и огромная орда смела бы нас с доски истории, словно пушинку. Нам требовались союзники, и единственные, кто мог дать отпор захватчикам, оказались дромы. Поэтому я попросил кагана Бравлина оказать нам помощь, и он не отказал.

Войска каганата пришли на помощь, и бордзу были истреблены. Они отступили в пустыню, из которой вышли в мир, и с тех пор не появлялись в наших пределах. Прошло время, в каганате воцарились рахи, и я, следуя своей клятве, оказал посильную помощь дромским беженцам. А потом родился ты, мой первенец, и предательством рахи смогли захватить твою мать и тебя в заложники. Они выдвинули всего одно требование – выдать всех степных воинов. И что мне оставалось делать? Я стал предателем. – Герцог закашлялся, но

быстро справился с собой и продолжил рассказ: – Мне было страшно, и даже когда вас вернули, то и тогда я боялся. А всё потому, что считал – проблема дромов не исчезла, и они могут навлечь несчастье на наш народ, на меня и мою семью. Это сейчас понимаю, что был не прав. Но тогда я принял жёсткое решение, и все беженцы были изгнаны за пределы моего герцогства. Конечно же большую часть несчастных изгнанников тут же захватили рахи и принесли в жертву своему богу. И остались только малолетние дети гвардейцев, о которых я забыл. А когда прошла зима, я пришёл в ужас от того, что натворил, но менять что-либо было поздно. Дромы погибли, а из детей гвардейцев мало кто пережил лютые холода. Ну а потом была война с рахами, и моё войско, не имея поддержки степняков, два раза было разбито наголову. После чего я посчитал, что искупил свою вину кровью наших воинов. Однако это не так, и пришёл мой час.

– Милорд. – Голос жреца был спокоен. – Вы в полном здравии. И с чего решили, что умираете?

– За мной приходил посланец богов, и время моё на исходе. Ты знаешь, что это значит, и ошибки нет. Поэтому слушайте мою последнюю волю. Ибо именно вы должны уберечь наш народ от беды, а она неминуема. И сейчас, находясь при смерти, я вижу это очень отчётливо. Вся золотая казна, которая осталась от дромов, хранится в подвале моего замка, в тайнике под статуей Белгора – в старом святилище. Но это не важно. Главнее иное – дети дромов. Не смейте вмешиваться в их судьбу, никак. А только внимательно следите за ними. Они пойдут по жизни разными путями, а вы следуйте за ними, и кто-то из них пойдёт дорогой сопротивления рахам. Этим будет нужна помощь, и вы её окажете. И возможно, тогда данным поступком будет искуплено моё позорное предательство и клятвопреступление, а проклятие спадёт с нашего народа.

– Мы всё сделаем, отец! – запальчиво вскрикнул наследник герцога.

– Да будет так, – согласился с великим герцогом жрец.

Конрад Третий встал, медленно подошёл к окну и увидел, как над Штангордом занимается рассвет. Это был его последний рассвет, и он хотел сказать об этом сыну. Однако, набрав в лёгкие воздуха, герцог не смог выдохнуть. Сначала он побледнел, потом его лицо налилось кровью, и он рванул ворот ночной рубашки. А затем Конрад Третий замертво рухнул на пол.

– Врача сюда, быстрее! – закричал его сын, но отец этого уже не слышал.

Верховный жрец Белгора встал над правителем, произнёс короткую молитву и удалился. Герцог умер, но есть его смена, и жизнь продолжалась. А заботы духовного проводника целого народа в мрачном царстве земного бытия с Хайнтли Дортраса никто не снимал. Он сделал, что положено, и в храме попросит Белгора простить покойного герцога. А более он ничего не мог. С погребением герцога справятся без него, а он должен озаботиться последней волей умершего, попытаться сделать хоть что-то для спасения Штангорда и его жителей от неведомой угрозы. Боги большие шутники, любят поиграть людьми, и если сказано их посланцем, что спасение герцогства возможно, руки опускать нельзя, и надо делами искупить вину покойного правителя.

4. Пламен

– Вот одного я никак не пойму. – Звенислав толкнул меня в бок.

– Чего? – Я покосился на него.

– Почему ты не согласился принять помощь Кривого Руга? Сейчас не пришлось бы торчать здесь на холоде и ждать этих скотов, Матео и Гильома. Что, если у нас ничего не получится?

– Справимся, – коротко ответил я.

Звенислав шмыгнул носом и слегка дрожащим голосом сказал:

– У головорезов Кривого Руга получилось бы лучше.

– Звенислав, свои проблемы решим сами. Я этого гада Матео, сколько себя помню, всегда ненавидел. Подумай о Сияне. Вспомни, как Матео тебя кнутом бил. А ещё о могилках наших приютских, которые вдоль забора похоронены. Или забудешь, словно не было ничего?

– Не дави на меня, Пламен, я ничего не забыл, – пробурчал друг. – И гада этого не меньше твоего ненавижу, но сомневаюсь.

– Говорят, в первый раз всегда так...

– Кто говорит?

– Люди, кто же ещё, собаки пока разговаривать не умеют.

Такой беспредметный разговор мы вели третий час подряд. Как обычно, Матео и Гильом, у которых сегодня выходной, отправились в кабак. Кстати, для заведения, где они обычно проводили время, даже это название слишком громкое. Правильней называть его шалманом или притоном для мелких воришек.

В общем, куда они ходят и как проведут ночь, мы знали. Несколько раз во время своих ночных вылазок в город видели наших воспитателей. А случилось, что по приказу Матео приходилось забирать Гильома из того заведения и тащить в приют. Поэтому мы, как обычно, легли спать и пару часов спокойно вздремнули. А проснувшись, покинули территорию приюта.

Неподалеку у нас был схрон, в котором мы прятали еду или что-то ценное на обмен. И в нём лежали два острых разделочных мясницких ножа. Эти свинорезы мы украли на рынке три недели назад у зазевавшегося мясника и расставаться с ними не собирались. Как бы нам голодно ни было, но на воспитателей зуб давно имели. Поэтому предполагали, что ножи нам вскоре понадобятся.

Раскопав тайник, мы вооружились и двинулись к месту, которое определили для засады. Затаились в небольшом тупичке между двумя домами и, прислонившись к стене, стали ждать. Прошёл час, за ним другой. А наших воспитателей, которых мы надеялись перехватить, всё не было. То ли они крепко гуляли, то ли мы их упустили, то ли приятели решили отдохнуть в другом месте. Последние варианты плохие, так как за ними не заржавеет. Сказали, что силой девчонку к себе потянут, так и сделают. При этом возмутиться не получится, и вдвоем с парой здоровенных откормленных бугаев в открытой драке мы не справимся. Нет в нас ещё настоящей силы, тут Сияна права. И всё, что у нас есть, – ярость, злоба, обострённое чувство справедливости и желание выжить. Нас ведь всего трое таких на весь приют, которые сами что-то решить могут. Мы и Курбат-горбун, который сам по себе и держится в стороне. А остальные как все. Куда их поведут, туда они и двинутся. Хоть насмерть их режь, на ремни распускай, а они только плакать будут и защищать себя не

станут.

– Светает уже, – шепнул друг. – Может, они другой дорогой пошли?

– Нет, всегда по этой улочке возвращались. Так ближе.

Звенислав прислушался и сказал:

– Кто-то идёт.

Мы приготовились и, присев на корточки, высунули из тупичка голову. В моей руке широкий стальной нож, и я готов убивать. Сомнений не было. Но почему так бешено стучит сердце, а рукоять скользит от пота? Это страх. Он есть, сидит глубоко внутри, и нужно научиться справляться с ним. Иначе не выжить.

Шаги приближались. В тумане мелькнула одинокая тень. Однако это не Матео и не Гильом. Потому что идущий по улице человек слишком невысок.

Нервы напряжены до предела. Меня немного колотило, и от волнения я уронил нож на брусчатку. Сталь ударилась о камни. Звонкий звук разнёсся в тумане далеко, и человек замер. Видимо, он хотел убежать, но не решился. Кто этот человек?

– Парни, – неожиданно окликнул нас незнакомец. – Пламен, Звенислав? Это вы?

– Курбат, – облегчённо выдохнул Звенислав.

Точно, Курбат-горбун. Как же я его не угадал? Хотя немудрено. Туман всё искажает, и если не присматриваться, кажется, что никакого горба у Курбата нет.

– Да, – ответил я. – Это мы. Иди сюда.

Он подошёл, и я спросил:

– Что здесь делаешь?

Его лицо в полутьме не разглядеть, но мне показалось, что он улыбнулся.

– Я понял, куда вы пошли. Зачем, тоже догадался. Вы что же, думаете, у вас одних к этим ублюдкам счёты? Нет, я с вами.

– А ты готов? – изображая бывалого, ухмыльнулся Звенислав.

– Я точно готов, а вы, по-моему, нет. – Он ногой пододвинул ко мне упавший нож.

Сказать нечего, Курбат прав. Ещё до дела не дошло, а руки уже затряслись. Поэтому возражать не стал. Поднял свинорез, обтёр его об дерюгу, которую накинул как защиту от утренней сырости, и уточнил:

– Так ты с нами?

– Да, – подтвердил он.

– А где раньше был?

– Ходил к шалману и через щели в крыше видел, что Гильом уже валяется под столом, а Матео просил хозяина налить в долг.

– Значит, скоро домой пойдут.

– Угу, – кивнул Курбат и прикоснулся к накиннутой на мои плечи дерюге. – Это вы правильно придумали поверх одежды что-то накинуть. Кровушкой точно запачкаетесь, а стираться негде. После дела сразу в приют придётся бежать, чтобы на подъём успеть.

– А у тебя как, есть что-то из оружия?

Он молча вытащил из-за пояса толстый остро заточенный вертел для жарки поросят.

– Нормально. – Я удовлетворенно кивнул, и мы вновь замолчали, ждём.

Курбат в помощь – это хорошо. Даже странно, что мы не додумались его сами позвать. Он хоть и горбун, но сильный и жилистый. А о его ненависти к воспитателям и говорить ничего не надо. Всё понятно без лишних слов.

– Поёт вроде кто, – нарушая молчание, сказал Звенислав.

Мы прислушались и действительно услышали дальше по улице пьяные голоса: кто-то выводил песню о распутной мельниковой жене. Кстати, это любимая песня Матео, когда он находится в подпитии. А вот уже и шаги слышны, и вскоре мы увидели тех, кого ждали. Воспитатели шли обнявшись и вразнобой орали песню. Секунда, две, три. Они тянулись так долго! Но наконец Матео и Гильом прошли тупичок, в котором мы затаились.

Курбат толкнул меня в бок и шепнул:

– Ну... давай же... Другого шанса не будет...

Как и положено жожаку, я первым вышел из полной тьмы тупика в сумерки улицы, сделал шаг и перешёл на бег.

Нож в руке тускло блестел, и я увидел перед собой ненавистного Матео. Пора! Словно кошка, я прыгнул на спину врага и со всей силы вогнал клинок между плечом и шеей.

Я не промазал и смог сделать, что задумал. Матео упал лицом вниз, а я навалился на него сверху, вытащил нож и снова ударил, в то же самое место. Видимо, перерубил какую-то вену. Он захрипел, и его кровь, рисуя на заплесневевшей и осклизлой стене дома неровные зигзаги, струёй устремилась вправо.

Рядом кто-то хрипел, и что-то сильно толкнуло меня в бок. Я обернулся и разглядел Гильома, который в предсмертной агонии дрыгал ногами. А над ним стояли Звенислав и Курбат, которые размеренно и как-то механически, отстранившись от происходящего, наносили удары.

Матео подо мной уже затих, а Гильом всё ещё дергался и пытался встать. Однако раз за разом широкий свинорез бил его в живот, а толстый вертел пробивал грудную клетку в районе сердца, и вскоре он тоже замер.

– Пошли, – поднимаясь, устало сказал я. – Хватит.

Но товарищи меня не слышали. Они с хеканьем наносили удары в тело своего давнего мучителя и совсем не замечали, что он уже мёртв.

– Хватит, – уже громче повторил я и по очереди дёрнул их за плечи.

Звенислав оторвался от своего занятия и смахнул выступивший на лбу пот, а Курбат переместился к Матео и нанёс ему ещё один удар. Штырь пробил спину воспитателя и застрял. А Курбат не смог его выдернуть и, сплюнув на грязную мостовую, стал выворачивать у наших жертв карманы.

– Зачем? У них нет ничего, – сказал Звенислав горбуну.

– Пусть на уличных грабителей подумают, – ответил он. – О них беспокоиться и горевать некому. Поэтому концов искать не будут. Или на воров папаши Бро, или на кого из заезжих бандюганов.

Дело сделано, мы покинули место преступления и, обмывшись в речке, в которую скинули окровавленные дерюги, вернулись в приют.

Всё тихо, нас никто не искал. Но когда мы входили в барак, заметили Сияну, сидящую на табуретке у двери. С надеждой в голосе она спросила:

– Ну что?

Звенислав собирался ответить, но я его опередил:

– Воспитателей ночные разбойники ночью остановили. Матео, наверное, в драку полез, и бандиты их убили. Мы не знаем ничего, и ты молчи, о чём у нас разговор был. Поняла?

Девчонка кивнула и, не знаю почему, заплакала. Вот же, не разберёшь её. Радоваться надо, что воспитателей-мучителей больше нет, а она плачет. Впрочем, может, это слёзы радости?

Сияна ушла, а мы упали на свои нары. И, так и не заснув, прокручивая в голове то, что мы совершили, пролежали до подъёма.

Сегодня старшим был немногословный Джузеппе, который вошёл в барак и выкрикнул только одно слово:

– Подъём!

Приютские воспитанники выбежали во двор, построились, и я увидел то, чего давно уже не видел. Помимо воспитателей на крыльце их домика стояла обеспокоенная мадам Эра.

Видимо, произошло что-то серьёзное, и мы с другом переглянулись. А не мёртвые ли воспитатели тому причиной? Но нет, всё как обычно, о воспитателях, которые не появились, ни слова. Вот только на хозработы в пределах территории приюта времени отвели меньше обычного. Потом завтрак. Суп, в котором – о чудо! – плавали куриные крылышки. Настоящий наваристый бульон! Прямо праздник какой-то. На сердце и так неспокойно, а тут такие перемены. Определённо намечалось какое-то необычное событие. А затем чудеса продолжились – нам выдали новенькие рубахи и штаны, а девочкам – строгие серые платья. Все быстро переоделись, на работу в город никого не отправили, и нас снова построили во дворе перед крыльцом воспитательского домика.

Ждём. Что дальше?

Вышла мадам Эра и произнесла проникновенную речь:

– Воспитанники, дети мои, вы все для меня как родные, и я хочу поделиться с вами печальной новостью. Сегодня на рассвете умер наш покровитель, заступник и защитник герцог Конрад Третий, да покоится он с миром. И нам будет оказана огромная честь. Сам верховный жрец Белгора, достопочтенный Хайнтли Дортрас, проведёт с нами поминальную службу. Цените это, дети мои, ибо сказано: нет для доброго и справедливого бога Белгора первых и последних. Пред ним, – она подняла свой ярко окрашенный красной краской ноготь, – все равны.

Мы выразили на лицах, как и положено, печаль, но сами внутри радовались. Сегодня работ нет и завтрак как у людей. А если ещё и жрец что-нибудь от щедрот своих подкинет, совсем замечательно будет. Впрочем, мадам Эра продолжила свою речь, и пришлось сосредоточиться.

– Запомните, дети, – голос мадам стал суров, словно зимние морозы, – если кто-то из жрецов или сам достопочтенный Хайнтли Дортрас будет вас спрашивать, как мы здесь живём, отвечайте, что всё хорошо. А если кто-то из вас, поганцев, сболтнёт лишнего, до утра не доживёт, вы меня знаете. Свободны, всем в учебный класс.

Понятно, приехала проверка, и мадам Эра замазывала глаза. Такое случилось всего один раз, когда ещё была жива жена Конрада Третьего. Хоть и давно это было, но тот момент я не забыл. Больная и усталая женщина бродила как тень между нами, гладила мальчишек по голове, а некоторых девочек целовала в висок. Угнетающее воспоминание, мне потом неделю кошмары снились. До тех пор, пока эта женщина не умерла. Тогда даже мадам Эра загрустила, и я слышал её жалобы Матео, который в то время был её постоянным любовником. Мол, беда, такая щедрая покровительница умерла, и ей жаль.

Нас запустили в учебный класс – аккуратный барак, который всё время был на замке. Приютские расселись за парты, которые были нам малы. Джузеппе, исполняя обязанности учителя, раздал каждому по куску дешёвого пергамента, и мы замерли в ожидании Хайнтли Дортраса.

Прошло немного времени, и важный гость, высокий мужчина с окладистой седой

бородой, прибыл. Выслушав доклад мадам Эры, он прошёл в класс и остановился посередине барака, в том месте, где должен стоять учитель и делиться с учениками книжной премудростью.

Тишина. Жрец, не говоря ни слова, медленно пошёл вдоль рядов, пристально всматриваясь в лицо каждого. Его молчание подавляло и угнетало, но никто пикнуть не смел, все застыли, словно каменные изваяния. А когда Хайнтли Дортрас посмотрел на меня, то показалось, что сейчас жрец узнает все мои самые сокровенные тайны, докопается до того, что мы совершили минувшей ночью, и прикажет воспитателям запереть меня до смерти. Но ничего не произошло. Он отвёл взгляд и вернулся в центр класса. И вдруг густым басом запел поминальную молитву в честь умершего герцога Конрада Третьего Штангордского.

Мы встали и по мере наших знаний стали повторять за ним. Разумеется, молитву я не знал и только открывал рот, пытаюсь попасть в такт с другими, и так мы простояли четверть часа. Жрец окончил поминовение, благословил нас, распрощался на выходе с мадам Эрой и отбыл.

Доставили убитых воспитателей. Не могу сказать, что кто-то горевал о них, ибо не было такого. Разве что мадам Эра, но она сожалела лишь о проверенных временем надёжных работниках, но никак не о людях.

Мертвецов сгрузили возле нашего барака, и по иронии судьбы хоронить их выпало мне, Звениславу и Курбату. Как самым крепким.

Затащив тела воспитателей на строительные носилки, мы оттянули их к забору. А потом вырыли две ямы, скинули туда трупы и закопали.

До вечера просидели в кустах на импровизированном приютском кладбище. Не столько переминая косточки Матео и Гильому, сколько вспоминая тех, кто был похоронен с ними рядом.

– А я говорю, – доказывал своё Звенислав, указывая на куст дикой смородины, – что здесь Вышага похоронен, которого на стройке балкой придавило.

– Нет, – Курбат был немногословен, – то Дива, точно знаю, сам её хоронил.

– А где тогда Вышага? – не успокаивался Звенислав.

– Он правее, где черемуха.

– Где черемуха, там Ясна. – Мой друг поник головой, вспомнив родную сестру.

– Хватит, – прервал я товарищей. – Здесь на одном месте по три-четыре человека схоронено. Сначала хоронили тех, кто в первую зиму от голода помер. Потом через три года холода большие случились, опять всех здесь клали. А затем уже тех, кто за остатние шесть лет преставился.

Курбат пожал плечами, и его горб забавно качнулся. Смешно мне не было, но какую-то неловкость я почувствовал. Горбун, когда разговаривал, забывал о своём увечье, но, видимо почуяв смену моего настроения, нахмурился и засобирался.

– Пойду, – пробурчал он.

– погоди, – остановил я его.

Он исподлобья посмотрел на нас и спросил:

– Чего ещё?

– Ты как, теперь всегда с нами или опять сам по себе?

Горбун задумался, крепко так, серьёзно и сосредоточенно. Так из всех наших только он умел.

– До конца? – уточнил он.

– Да. До самого последнего часа.

– Пусть будет так, – поддержал меня Звенислав.

– Тогда в полночь встретимся на этом месте, дело будет, – отозвался Курбат и улыбнулся, как и должен улыбаться четырнадцатилетний парень, а затем развернулся и направился к баракам.

Чуть погодя вслед за ним из кустов вышли и мы. Потолкались по двору, никто нас никуда не гнал, и, воспользовавшись этим, завалились спать. Если всё будет как обычно, то этой ночью нас ждут новые приключения.

5. Штенгель

Когда совсем юным стажёром Гельмут Штенгель попал в сыскное бюро при Управлении Тайной стражи, его направили к самому Густаву Кремору, грозе всего преступного дна столицы герцогства Штангордского. И он был горд. Ведь его взяли в Тайную стражу. Именно его, единственного из всего благородного молодняка, поступившего в тот год на службу. Поэтому совершенно естественно, что окрылённый стажёр ожидал увидеть перед собой модного сурового франта в тёмном плаще, полумаске и с тяжёлой рапирой на боку. Только так и не иначе воображение рисовало ему образ знаменитого Кремора. Но реальность – жестокая вещь, и она оказалась иной.

В грязной комнате, куда отправили Штенгеля, сидел низкорослый старичок со сморщенным, словно печёное яблоко, лицом и выбитыми зубами. А одет он был будто бродяга: засаленные брюки, штопаный сюртук с чужого плеча, грязная сорочка и стоптанные ботинки. Как же в этот момент молодой человек был разочарован! Словами не передать.

– Мы не собаки, – такими были первые слова, которыми встретил стажёра Густав Кремор.

– Не понял... – пролепетал Штенгель.

– Мы крысиные волки, – продолжил знаменитый сыскарь. – Наша задача стать такими же, как преступники, впустить в себя грязь и уподобиться этим падшим людям. Только после этого мы начинаем понимать поступки воров и можем предугадывать их деяния. Ты не в Городской страже, сынок, а в Тайной. И наша задача не только ловить преступников, но и использовать чужие таланты на благо нашего герцога. Понимаешь, о чём я?

– Не совсем... – растерялся Гельмут и спросил: – Зачем нам таланты воров, убийц и мошенников? И как это можете говорить вы, неоднократно отмеченный герцогом человек?

– Объясняю один раз, – прищурился старик. – Поймёшь – оставайся. А нет – проваливай в Городскую стражу. Готов?

– Да. – Стажёр щелкнул каблуками щегольских кавалерийских сапог.

Старый сыщик издевательски засмеялся, но затем снова стал серьёзным и начал:

– Преступников ловит обычная стража, а для нас это занятие побочное. И в Тайной страже всего три человека, кто занимается криминалом. Слышишь меня? На всё наше немаленькое герцогство – трое. Я уже стар. Мне нужна смена, и из всех поступивших в этом году на службу герцога молодых дворян был выбран ты.

– Кем выбран? – Гельмута распирало от чувства гордости.

– Мною, – ответил Кремор. – А знаешь почему?

– Почему?

– Ты самый неказистый и неприметный из всех: сутулый, ноги кривые, прыщавый, глаза невыразительные, волосы редкие и перхотные. Именно такой мне и нужен. Кроме того, ты неплохо владеешь кинжалом и быстро приспосабливаешься к обстоятельствам. А ещё ты – провинциал, и твоё лицо в столице не примелькалось.

Гельмут нахмурился, ибо ему было неприятно услышать о себе такие слова, а Кремор повёл речь дальше:

– Ты думаешь, многие в замке понимают, кто я? Нет, только несколько людей во всём герцогстве знают Кремора в лицо и владеют информацией о том, чем я занимаюсь. И никто из бесполезных придворных хлыщей не определит меня как полковника или виконта. Так

правильно, и так должно быть, ибо слава вредит работе. По этой причине мы живём двойной жизнью, и в городе меня знают как Перстня, весьма авторитетного вора-домушника с понятием. Это моя маска, и задача подобных агентов жить среди преступников, быть ими и сродниться с мерзавцами. И всё это ради того, чтобы в нужный момент, когда какая-нибудь обиженная скотина из приближённых ко двору ублюдков закажет смерть герцога или близкого ему человека, мы смогли вовремя отреагировать. А кроме убийц существуют иные угрозы: вражеские шпионы, подсылы, диверсанты, сектанты, опасные колдуны, революционеры, торговцы запрещёнными артефактами и прочая шваль, которую надо вовремя придушить. Опять же, когда герцогу нужно что-то сделать не слишком благородное, разумеется, не он этим занимается, а нанятые нами воры и убийцы, которые за золото готовы на многое. Теперь понял?

– Так точно! – Гельмут встал по стойке «смирно».

– А вот это брось, виконт Штенгель, отвыкай, – сухо сказал старик. – Теперь всегда называй меня дядя Перстень, только так, и веди себя соответственно.

– Понял. Что я должен делать?

– Учиться, Штенгель. Сейчас ты обязан учиться.

С этого момента для Гельмута Штенгеля началась совершенно новая жизнь, совмещённая с практикой учёба.

Для начала ему сменили внешность. Полковник побрил его наголо, заставил отрастить усы и больше загорать. Ведь теперь он не аристократ, и белизна кожи ему ни к чему. Потом была придумана легенда, которую он зазубрил, и виконт стал Лысым, бродягой из отдалённой деревни в Ригейских горах и племянником вора-домушника Перстня. Ну а затем самое тяжёлое – изучение криминальной системы Штангорда, воровских законов, навыков, языка, обычаев, понятий, жаргона и последующее применение всего этого на практике.

Минувший год. Лысый заработал некоторый авторитет и стал в криминальных кругах достаточно известен, чтобы его узнавали. Стажировка окончилась, и ему следовало занять место полковника Кремора. Однако старик решил, что будет доживать свой век там, где прошла его жизнь, в трущобах, а не в родовом замке, и начальник Тайной стражи с этим согласился.

Два агента, старый и молодой, продолжили жить и работать на благо герцога вдвоём. А поселились они в логове Перстня, небольшой неказистой хибарке на окраине города возле моря. Район, конечно, не самый лучший, Старая гавань. Но это для честных граждан он был плох, а для агентов – настоящий дом, лучше которого не найти. И Лысый, он же виконт Штенгель, настолько вжился в роль вора, что даже наедине с Кремором никогда не упоминал своего настоящего имени. Весь день он мотался по городу, общался с людьми городского дна, а старый сыскарь, словно паук в центре огромной паутины, сидел в своей хибарке и анализировал поступающую информацию.

Прошло ещё несколько лет, годы одолели Густава Кремора, и в одно абсолютно обычное утро он просто не проснулся. Всю свою жизнь верный слуга герцогской короны жил тайной жизнью и умер так же, как жил: тихо, спокойно, незаметно и без суеты.

Хоронили старика совершенно чужие люди. А в замке Кремор на родовом кладбище дальние родственники виконта, не успев закопать богатого дядюшку в землю, передрались за его немалое наследство. После чего Штенгель задал себе вопрос: зачем он жил, если ничего не оставил после себя? И правильной ли дорогой идёт он, агент Тайной стражи и дворянин? Но когда он поочередно оказался на двух поминовениях в честь одного и того же покойного,

сомнения ушли прочь. Он – слуга государства и обязан оберегать корону.

Весь личный состав Тайной стражи сожалел о смерти знаменитого полковника Кремора. Хотя его никто из рядовых сотрудников и не видел. Однако легенда есть легенда, и когда она уходит из жизни, то всегда оставляет какую-то пустоту. Со временем эта пустота заполняется чем-то новым. Пока же потеря свежа, все сотрудники и агенты искренне переживали смерть старого сыщика. И то же самое можно было сказать о тех, кто находился по другую сторону закона. В криминальных кругах вор-домушник Перстень личностью был известной. Поэтому в трактирах, тавернах, кабаках, притонах и шалманах его вспоминали бывалые криминальные авторитеты. И все истории, которые рассказывались в следующую после его смерти ночь, были только о нём. Старики вспоминали его дела, удачливость, храбрость и умение кидать точно в цель всё, что только возможно. А серьёзные люди Старой гавани, такие как папаша Бро, Кривой Руг, Шрам и гостивший в городе главарь удачливой разбойной банды Свирепыш, лично подходили к Лысому и выражали ему своё соболезнование. Ну и конечно же говорили, что в случае беды он может к ним обратиться.

Пережив смерть наставника, Лысый продолжил его дело. Время от времени он совершал показательные кражи в домах богатых горожан, а потом кутил, пропивая добычу, буянил, дрался и путался с весёлыми девками. Но это только внешняя сторона, большую же часть своего времени он тратил на сбор информации, наблюдал, вынюхивал и составлял отчёты, которые отправлял начальству. И всё было как прежде. Не успел ещё удачливый разбойник Свирепыш толком подумать о нападении на карету герцогского казначея маркиза Блинка, как тут же был найден, арестован и незамедлительно казнён. А когда барон Хотмор начал искать душегубов, дабы организовать нападение на своего дядю, служившего при дворе герцога, то упал с моста в реку и утонул. Всё это происходило благодаря Гельмуту Штенгелю, и вскоре он стал лейтенантом.

Потом случилось так, что глава всех убийц Шрам, видать совсем сбрендив от наркотиков, которые он потреблял в огромных количествах, взял от некоего восточного купца заказ на невесту наследника Штангорда. И реакция властей была мгновенной. Купца схватили и отправили в пыточную, банду Шрама изрядно проредили солдаты Городской стражи, а главаря четвертовали при большом скоплении народа. Снова отличился Штенгель, и ему присвоили звание капитана.

Когда начальник Тайной стражи граф Таран в присутствии герцога Конрада Третьего собрался вручить Штенгелю капитанские нашивки и выкрикнул его имя, фамилию и звание, то он остался стоять не пошевелившись. Потому что за прошедшие годы перестал считать себя потомственным аристократом. И только когда его тронул за плечо адъютант герцога, то понял, что обращаются к нему.

Заминка не осталась незамеченной, и в срочном порядке свежеиспечённый капитан Тайной стражи был отправлен в отпуск на родину, в родительский замок на побережье Лазурного моря. Тем более что повод был достойный. После того, как городские стражники частым гребнем прошли по Старой гавани, многие воры решили схорониться до лучших времён и переждать гнев герцога в сельской глубинке. Так что отсутствие Лысого в криминальном мире можно было легко объяснить.

Подсчитав всё, что ему задолжало, казначейство выдало Штенгелю весьма приличную сумму денег. А начальство сказала, что ближайшие полгода в столице ему появляться запрещено. Отдых, и только отдых. Никаких волнений, нервных встрясок и неприятностей. Гельмут расценил это как приказ и отправился домой.

Первый вопрос, с которым к нему обратилась мать: «Когда ты женишься, мой мальчик?»

Вопрос был житейским, и, осмотревшись, виконт быстро нашёл себе пару – первую красавицу в округе, дочку богатого маркиза Саргоно. Юная Тира, черноволосая, стройная и кареглазая, воистину была великолепно. И обычный неказистый капитан, служащий на дальней пограничной заставе, именно такие документы были выписаны Штангелю, её вряд ли заинтересовал бы. Но старый Густав Кремор многому научил своего помощника, в том числе разбираться в людях и анализировать всё, что происходит вокруг. Поэтому Штенгель ещё раз огляделся и сделал вывод, что соперников у него нет. В самом деле, что эти юнцы и побитые молью провинциальные чиновники могли противопоставить ему, человеку, видевшему изнанку жизни? Ничего. И в итоге после трёх окончившихся смертью противника дуэлей, пылких слов о любви, серенад под окном и прочих положенных в таких случаях процедур цель была достигнута. Прошёл всего месяц, и гордая провинциальная красавица отдала сердце капитану Гельмуту Штенгелю.

Впрочем, счастье молодой пары было недолгим: опережая почтовую карету с известиями о смерти герцога Конрада Третьего, к капитану примчался экстренный курьер с приказом незамедлительно прибыть в распоряжение графа Тарана.

Бросив всё, капитан Штенгель рванул в столицу. Двое суток бешеной скачки – и вот он входит в кабинет начальника Тайной стражи.

«Чем вызвана такая спешка, – на ходу думал Гельмут. – Может, я что-то не сделал или сделал не так? Вряд ли. Когда уезжал в отпуск, всё было как обычно. А в городе кроме меня есть кому за обстановкой присмотреть. Без контроля криминал никогда не остаётся – это закон выживания любого государства. Значит, причина иная и, возможно, связана с преждевременной кончиной герцога».

Как был, в пыльном дорожном плаще, потный и грязный, с повязкой на лице, вне очереди, под недовольный ропот ожидавших приёма посетителей, он прошёл в приёмную своего непосредственного начальника. И здесь, предъявив серебряный жетон адъютанту, доложил:

– Капитан Штенгель, сыскное бюро, по приказу его высокопревосходительства графа Тарана.

Адъютант, совсем молоденький парнишка, видимо только недавно принятый на службу и не знавший, кто есть кто в системе Тайной стражи, только презрительно скривился и пробурчал:

– Вы хотя бы переоделись с дороги, капитан. Право слово, неприлично в таком виде появляться в присутственном месте.

Лысый, вор из Старой гавани, а не капитан Тайной стражи Штенгель, ударил раскрытой ладонью по голове адъютанта, и тот, больно стукнувшись носом о дубовый лакированный стол, взвыл.

– Быстро доклад, корнет, – прошипел Штенгель. – И встань, когда с тобой старший по званию разговаривает.

– Сейчас-сейчас. – Адъютант вскочил, словно ошпаренный, и умчался в кабинет начальника.

Буквально через несколько секунд он вернулся, вытянулся по стойке «смирно» и пролепетал:

– Проходите, господин капитан, граф ждёт вас.

Перед тем как войти в кабинет, Штенгель посмотрел корнету в глаза и спросил:

– Ты запомнил меня?

– Так точно, господин капитан, – чётко ответил адъютант. – Прошу прощения, ошибка вышла.

– Извинения приняты, – уже на ходу бросил Гельмут и вошёл к начальнику.

Штенгель не успел доложиться, как граф Таран встал из-за стола и, махнув рукой, сказал:

– Обойдёмся, капитан. Следуй за мной, нас уже ждут.

Что к чему, Штенгель мог бы спросить кого попроще. Но такого человека, как начальник Тайной стражи герцогства Штангордского, он теребить вопросами не решился и молча последовал за ним.

Граф и капитан покинули кабинет через второй выход, прошли караул из двух бойцов специальной роты «Гранит», с незапамятных времён охранявшей замок герцога, и направились в подвал. Коридор сменялся коридором, они мешались, изгибались, пересекались, и вскоре капитан просто запутался, бросил подмечать дорогу и полностью доверился начальнику.

Наконец они пришли и оказались в комнате, в центре которой стояла статуя бога Белгора, который трезубцем поражал дракона. Здесь уже находились два человека, и обоих Штенгель узнал: молодой герцог Конрад Четвёртый и верховный жрец Белгора достопочтенный Хайнтли Дортрас.

Герцог, жрец и граф сели в расположенные полукругом кресла под статуей, а капитан Штенгель остался стоять. В том, что дело, ради которого его выдернули из отпуска и привели в святая святых замка – подземное святилище, будет серьёзным, сомнений не было. Поэтому всё, что капитану оставалось, – ждать разъяснений.

– Капитан Штенгель, вы готовы выполнить особо важное задание? – спросил Гельмута верховный жрец.

– Да, достопочтенный Хайнтли Дортрас. – Капитан немного склонил голову, здесь не официальная встреча, тянуться нет смысла.

– Хорошо. – Жрец сцепил перед собой ладони, в задумчивости пошевелил большими пальцами и продолжил: – Вам будет доверено настолько важное дело, что об этом не будет знать никто, кроме тех, кто находится здесь. Как вы уже знаете, наш герцог Конрад Третий скоропостижно скончался, и перед смертью ему было видение, что государство наше падёт, его род пресечётся, а народ исчезнет с лица планеты. Как верховный жрец Белгора, я проверил эту информацию и пришёл к выводу, что так и есть. В прошлом были допущены ошибки, которые вскоре скажутся на нас. Но есть возможность избежать тяжкой для всего герцогства участи, и, как это ни странно, наша судьба в руках детей. Пока детей. А в будущем кто знает, что из них получится.

– Этих детей надо убить? – спросил капитан.

Жрец тяжело вздохнул:

– Если бы всё было так просто, то вас не тревожили бы. Вы знаете, где находится герцогский сиротский попечительский приют?

– Да, достопочтенный, это недалеко от Старой гавани, улица Красильщиков, дом пять, кажется.

– Всё верно, мы говорим об одном месте. Вы в курсе, кто там воспитывается?

– Какие-то иноземцы-беженцы.

– Дромы, капитан. Там воспитываются дети дромских гвардейцев, которых успели

эвакуировать из горящей Ориссы.

Хайнтли Дортрас крепко задумался. Герцог и граф по-прежнему молчали, и капитан решился спросить:

– Что я должен делать?

Верховный жрец поднял на него усталый взгляд:

– При Управлении Тайной стражи будут сформированы три особые группы, которые займутся судьбой этих детей. Первая будет работать в самом приюте. Вторая – готовить им место в жизни. А третью возглавите вы, и мне кажется, что именно она станет основной. Большинство тех, кто находится в приюте, самые обычные дети, со своими страхами, горестями и радостями. От них проблем или каких-то неординарных поступков не ожидается. Но есть трое мальчишек, на которых мы возлагаем особые надежды. Наши оракулы неоднократно вопрошали богов, и ответ был один – всё зависит от этих детей, но руководить их поступками мы не сможем, ибо это приведёт к плачевным результатам. Однако никто не запрещает помогать им и немножко, совсем чуть-чуть подправлять их отношение к жизни и нашему герцогству. Так случилось, что эти мальчишки уже вкусили первую кровь и выходят на разбойную тропу, ночами бродят по городу и грабят прохожих. Вот поэтому наш выбор пал на вас, капитан. Ведь вы лучший специалист по вопросам криминала.

Задание капитану не понравилось, с душком, мутное дело, но отказаться он не мог и спросил:

– Есть ещё что-то, что я должен знать?

– Вы должны знать историю дромов, вам будут предоставлены все возможные материалы по этому вопросу, но скажу сразу, почему эти трое отличаются от остальных детей. Они – бури. Вам это о чём-то говорит?

– Нет, достопочтенный.

– Среди дромов всегда существовала закрытая каста могучих воинов, которых в Великой степи обозначали по-разному: бури, курд, бирюк, борз, дунго, волф, ульф, а по-нашему – волк.

– Волк? – удивился капитан.

– Именно так. Они все как на подбор были людьми, скажем так, с несколько необычными способностями. Например, неоднократно зафиксировано, что многие бури владели симпатической стихийной магией, умели обращаться в зверей, имели чутьё на опасность и другое. Все эти способности многие века использовались ими для войны, поэтому они прирождённые воины.

– И эти трое?

– Да, прямые потомки бури, чистая линия без всяких примесей инородной крови. Первый – Пламен сын Огнеяра, его отец командовал Первой сотней Первого гвардейского полка, так называемые «Волки Кагана». Второй – Звенислав сын Прозора, его отец командовал отдельной сотней разведчиков, их называли «Тихая смерть». Третий – Курбат сын Буривая, его отец отвечал за контрразведку, и его я знал лично, очень хитрый был человек, и как проспал рахский заговор, до сих пор не понимаю. Такие вот непростые мальчишки. Конечно, если бы мы знали всё это раньше, было бы легче. Но что есть, с тем и приходится работать.

– Когда мне приступать?

Жрец промолчал, а заговорил молодой герцог:

– Начнёте сегодня же, капитан. Запомните: наблюдение за мальчишками и по возможности помощь.

– А если они людей на улицах будут резать?

– Для этого есть Городская стража, поймают их – хорошо. А нет, пусть бегают до поры до времени. Если они начнут доставлять хлопоты и двинутся не туда, куда бы нам хотелось, мальчишек просто расстреляют из арбалетов, и нам придётся искать иные пути к спасению нашего народа.

– Ваше сиятельство, а куда они должны двигаться и каков их путь?

– Сами толком не знаем. Пока есть мнение, что они должны обратить весь свой пыл, умения и силы на борьбу против рахов, а мы обязаны им в этом помочь. Тогда, возможно, проклятие спадёт с нашего народа.

– Проклятие? – Капитан совсем запутался.

– Этого тебе знать не надо, Штенгель, – сказал граф Таран. – Придёт время – всё узнаешь.

– Разрешите идти? – вытянулся сыскарь.

– Да. – Герцог милостиво кивнул.

– Благослови тебя Белгор, – пожелал ему вслед верховный жрец.

6. Пламен

Каждую ночь мы выходили в город добывать себе пропитание. А поскольку теперь, когда Матео и Гильома больше не было, можно было особо не прятаться, и большую часть того, что получалось украсть или обменять, мы приносили в приют. Сейчас хоть и начало осени, не так голодно, но есть отдельная группа воспитанников, кто никогда не наедается. Сколько ни дай, им не хватало, и таких приходилось подкармливать. То яблочко дашь, то кусочек лепёшки, а иногда рыбку сушёную. Для людей, кто вольно ходил за забором, я говорю о горожанах, это мелочь. А приютскому заморышу – великое счастье.

В общем, так мы жили, и можно поведать о наших ночных похождениях.

После того как приют навестил верховный жрец Белгора, в ту же ночь мы направились в город уже втроем. Курбат обещал дело и не обманул. Бывает, что человек много болтает, а потом оказывается пустышкой, но горбун не из таких. И хотя его план был очень прост, он сулил несомненную выгоду. По нашим меркам, разумеется.

Горбун давно присматривался к хлебной лавке Толстого Петры. Того самого, у которого мы с другом недавно целый каравай хлеба утащили. А вот у Курбата подход был солиднее, и он рассудил, что если грабить, то всерьёз. И если воровать, то не каравай хлеба, а всё, что осталось от вечерней выпечки и не было продано.

Дом Толстого Петры, этого мерзопакостного человека, имевшего привычку кидать в малолетних бродяг камни, находился на площади Умельцев. Здание – с самого края, торговой лавкой ему служила пристройка к жилью, и Курбат сразу смекнул, что сама лавка с площади не просматривается. Даже когда будет ходить ночной патруль, стражники не увидят, что там происходит. А крыша у пристройки черепичная, и если её разобрать, а это не проблема, можно попасть на чердак, с которого есть лестница вниз, к торговому прилавку. Курбат и сам бы все сделал. Но подумал, что лестница на чердак может убираться в дом пекаря. Поэтому самому вновь взобраться на крышу ему было бы проблематично.

Решив, что дело стоит того, чтобы рискнуть, мы приступили к осуществлению задуманного. Вышли в город и, когда время перевалило за полночь, оказались возле лавки жадного Петры. К стене приставили три бочки и по ним поднялись на крышу. После чего очень тихо, осторожно начали подрывать черепицу.

Справились минут за десять. Видимо, пекарь экономил на постройке и черепицу подгонял не плотно, внахлест, а лишь бы встык было. Проникли на чердак, быстро нашли спуск, а лестницу не обнаружили. Понятно. Чего-то подобного ожидали.

Мы с горбуном на руках спустили Звенислава в лавку, и он сразу же нашёл заветный хлебушек, целых девять караваев и пятнадцать сдобных булок. Богатство настоящее, как есть. Кто в жизни сильно голодал, тот нас поймёт.

Загрузив добычу в большой мешок, Звенислав подал его нам, а потом мы вытащили и его самого. Всё так же осторожно и без шума покинули лавку, проулками прошли к реке и уже здесь приступили к ночному ужину. И было бы всё хорошо, но, видно, хлеб пах настолько сильно, что на нас вышли местные оборванцы, человек десять. Некоторых мы знали, но голод не тётка, и если бы они решили отобрать нашу добычу, пришлось бы биться, может, даже насмерть. Поэтому на опасность мы отреагировали соответственно, потянулись за ножами, а Курбат приготовил сучковатую палку.

Однако драка не произошла. Местный уличный заводила, Длинный Лога, вразвалочку

подошёл к нам и поздоровался:

– Здорово, парни.

– И тебе не хворать, Длинный, – как старший, ответил ему я.

– Вижу, вы сегодня с добычей?

– Да. Кой-чего послал Белгор от щедрот своих.

В лунном свете лицо Длинного было видно хорошо, и я заметил, как он сглотнул голодную слюну. Но просить парень не стал, сдержался и сказал:

– А нам, наоборот, Белгор только тумачков подкинул. Хотели в рыбных рядах пошариться, голов насобирать, а нас ребята Дурки побили. Теперь ходим, на луну смотрим. Живот мелодию выводит, а мы песенки поём.

Дурка – это да, вполне серьёзно. Полностью оторванный от реальности здоровяк, сколотивший вокруг таких же, как и он, уродов, а затем объявивший себя королём городского дна. Даже в Старую гавань со своими тупорезами ходил. Однако был жестоко бит и чуть не помер.

Не знаю, что на меня накатило в этот момент. Обычно сочувствием к другим людям, кроме своих приютских, я не страдал. А тут подтянул поближе мешок, вынул четыре каравая, подошёл к Длинному Логе и вложил хлеб ему в руки.

Длинный даже растерялся, он ничего подобного не ожидал.

– Дык как же... – замямлил он. – Нам ведь и отдариться нечем...

– Сочтёмся.

– Если так, мы добро не забываем.

– Вот потому и делюсь с вами, что вы ребята честные и правильные.

Босяки обосновались неподалеку и набросились на хлеб. А товарищи насели на меня, выговаривая, что раздаю еду.

– Ты чего, Пламен? – Звенислав вспыхнул сразу, как только Длинный Лога отошёл. – Лучше бы нашим хлеб отнесли.

– Звенислав прав, – поддержал его Курбат. – Нехорошо поступаешь. Они нам никто.

– Тихо, парни, – остановил я друзей. – Лучше скажите, что дальше делать будем, как жить?

– Ты не увиливай. – Звенислав шмыгнул носом.

– А я и не увиливаю. Мой вопрос к раздаче хлеба имеет самое прямое отношение.

Парни задумались, и первым откликнулся Звенислав:

– Как жили, так и будем. Днём – в приюте, ночью – в городе. Потом дотянем до шестнадцати лет, год осталось ждать, а там – в жизнь.

– Угу. – Кроме этого, Курбат больше ничего не произнёс, но я продолжал молчать, и он высказался: – Если бы не горб, я бы в солдаты завербовался. А с увечьем только здесь чем-то промышлять. Ладно, Пламен, говори, что надумал.

– Вот смотрите, – придвинулся я к ним. – Мы здесь чужие, от местных очень отличаемся – это раз. Образования у нас нет. Немного читать-писать умеем, и всё – это два. Связей и родни в городе нет – это три. Мадам Эра с нас кормится – это четыре. Властям до нас дела нет – это пять. Считать минусы можно долго, но если кратко, то всё плохо. И как-то я задумываться стал, а что дальше делать? И так всё раскидывал, и эдак, но хорошего варианта не нашёл. А потом вспомнил историю про Кривого Руга, как он начинал. Тоже ведь сирота, как Длинный Лога и его босяки. С детства по улице бегал и попрошайничал, а потом банду сколотил и теперь уважаемый человек. Если и дальше так будет, скоро его в Купеческую

гильдию примут.

Прервавшись, я оглянулся на бродяг, которые разорвали хлеб на части и, словно зверьки, отвернувшись друг от друга, торопливо глотали его.

– Ну-ну, – поторопил меня Звениславка. – Чего дальше-то?

– Вот я и говорю, надо свою банду собрать, а босяки Длинного Логи нам подходят. Парни они правильные, понятие имеют. Вот и сегодня могли бы на нас толпой навалиться, а не стали.

Курбат пробурчал:

– Это они побоялись. Нас трое, и каждый крепче любого босяка, да и ножи ваши они могли увидеть. Не рискнули просто.

– Пусть даже так, мы ведь их не в побратимы взять хотим, а как прикрытие для наших дел.

– А есть что-то на примете? – Курбат всё ещё сомневался, а вот Звенислав загорелся.

– Есть, как не быть. Но раньше мысль на жратву вся работала, а сейчас кое-что прояснилось. Нас уже трое и сразу дело проверить смогли. Сегодня Толстого Петру почистили на еду, а ведь могли этого гада в постели взять. Там ведь дверь хлипкая, сломали бы и в доме оказались. А деньги у него есть. У такого скареды наверняка в подполе кубышка заветная. Пощекотали бы ему толстое пузо ножичком, глядишь, и отдал бы. Как вы, идею мою принимаете?

– Да, – выпалил Звенислав.

– Согласен, – кивнул Курбат. – Только скажи, ты чего мадам Эру помянул?

Я задумался. Сказать друзьям всё сразу или обмозговать идею ещё раз? Но в итоге решил не тянуть. Скажу всё как есть. Может, они что-то иное придумают.

– Не отпустит нас мадам Эра. Таких, как мы, бесплатных работяг она никому просто не отдаст. Эти скоты, Матео с Гильомом, о борделе мамыши Ритоны не просто так заговорили. И до этого такой разговор был. Поэтому, когда девчонки наши подрастут, всех скопом туда скинут. Уверен, что есть у мадам Эры такая задумка. Она только определиться не может, продать девушек за звонкую монету или самой салон организовать. Думает пока. С нами проще, смирных при себе в работниках оставит, а нас на галеры. И сколько она ещё будет думать, неизвестно. По моим прикидкам, всё решится в конце весны. На нас хоть и небольшое, но пособие из герцогской казны платят исправно.

– Предлагаешь с мадам разобраться? – сразу ухватил мысль горбун.

– Правильно, именно об этом и толкую.

– Когда?

– Неделя-две – и работаем. Кого бы вместо неё ни поставили, нам легче будет.

Пока мы беседовали, босяки закончили свою трапезу и Длинный Лога подошёл к нам.

– Благодарю, парни, – сказал он.

– Работа есть, Длинный, – закинул я приманку.

– Какая?

– Виллу маркиза Тернгофа знаешь?

– Конечно. Это самое красивое место в столице.

– Мы завтра в ночь хотим там сад почистить. Не интересуешься?

– Интересуюсь. – Он присел рядом с нами. – Излагай.

– Ночами там два сторожа и четыре собаки. Если вы возле ворот шум устроите, мы спокойно сад обнесём.

– А как добычу поделим?

– Попролам.

– Идёт, – согласился он.

Договоренность была достигнута, и мы вернулись в приют.

Снова был обычный день. Подъём и скудный завтрак, а потом рабочий день, не сказать, что тяжёлый, но нудный. После чего ужин, отбой и вновь выход в город.

Босяки ждали нас в условленном месте, и мы ещё раз всё обговорили. Затем благополучно добрались до виллы маркиза Тернгофа и проделали всё так, как и было задумано. Беспризорники дразнили сторожей, которые напускали на них злобных волкодавов, а наша тройка набивала мешки отборными яблоками и виноградом. Конечно, когда мы убежали, виноград подавился, но яблоки были восхитительными.

Следующую ночь отсыпались, а после неё, вновь скооперировавшись с босяками, открыли охоту на тех, кто ищет запретных сексуальных радостей. Мужеложство и педофилия в герцогстве были под запретом, но любители клубнички всегда знали, где предоставляются подобные услуги.

Отмыв и отчистив городского босяка, симпатичного тринадцатилетнего парнишку по кличке Фиццы, мы выставили его на освещённой аллее в парке Пяти художников. Сами же затаились неподалеку, под деревьями.

На извращенцев у босяков давно зуб имелся, в прошлую зиму они в этом самом парке сразу троих потеряли. Вошли парнишки в парк, на пропитание чего выпросить. А потом их нашли порезанными на куски, с многочисленными следами насилия, уже в другом квартале. Стражники никого не искали. Зачем, ведь это всего лишь бродяги? Но босяки ничего не забыли и смогли прознать, кто это сделал. И хотя силёнок, чтобы до тварей дотянуться, им не хватило, зло на всех извращенцев они затаили.

На молоденького и растерянно озирающегося паренька двое раскрашенных «благородных» отреагировали моментально. Видимо, свежачка захотелось. Они подошли к Фиццы, договорились с ним об услугах и направились в нашу сторону. Хотели позабавиться, а получили несколько переломов, и нам не пришлось ничего делать. Ребята Длинного Лога набросились на них с такой яростью, что я уже думал, как бы их оттащить. Но ничего, Длинный со своей стаей сам справился. Денег у раскрашенных было не очень много, но бродяги смогут на них питаться не один день. А ещё мы забрали у них два меча. Можно. Ведь педофилы жаловаться к стражникам не побегут. Не в том месте они пострадали. Как бы там ни было, но извращенцев нигде не любят. Если общество нормальное.

Однако мы ошибались. Потому что заступники у мерзавцев всё-таки нашлись.

7. Пламен

Прошёл ещё один день. Мы вновь покинули приют и вышли к месту встречи с босяками, мостику через речку. Они нас уже ждали, и Длинный Лога сквозь зубы процедил одно только слово:

– Беда.

– Говори, Длинный.

– Дворянчики эти, которых мы вчера избили, к стражникам не пошли, а пожаловались смотрителю парка Пяти художников. И он бандитов заезжих нанял, чтобы нас найти. Говорят, серьёзные ребята, и смотритель парка решил нас примерно наказать.

– Они знают, кого искать?

– Да.

– Кто смотритель и где он живёт?

– Как фамилия, не знаю, уличные мальчишки зовут его по кличке – Гнус. Живёт сразу за парком. Он нас обещал из-под земли достать, ему извращенцы за спокойствие и сводничество отстёгивают.

– Это понятно.

Лога помолчал, а затем поймал мой взгляд и спросил:

– Что делать, Пламен?

– Если смотрителя убить, заказ пропадёт. Верно?

– Да.

– Ты с нами?

– Конечно.

– Тогда веди к дому смотрителя.

Я рассудил так, что раз уж мы решили пробивать себе дорогу наверх по примеру Кривого Руга, действовать надо соответственно – жёстко и решительно. Тем более что момент удачный, бродяги и Лога напуганы, поэтому готовы подчиняться, и бояться времени нет. Конечно, убийцы, нанятые Гнусом, люди серьёзные. Но смотритель не тот человек, чтобы на босяков специальную охоту открывать. Ему это не по масти и не по чину. Испуг Длинного Логи был понятен: наслушался слухов уличных, вот и ходил, сам себя накручивал. Однако наверняка всё гораздо проще.

К домику смотрителя Гнуса, надо сказать, очень симпатичному двухэтажному строению за высоким забором, вышли быстро. Босяки пробежались по округе – ни стражи, ни нанятых Гнусом бандитов не заметили. Всё спокойно, можно сделать, что задумано. В домике горели свечи, был слышен шум весёлой гульбы, кто-то брэнчал на гитаре и пытался пьяным голосом выводить какую-то песню. Тот же притон, только для специальной публики.

Идти решили вчетвером: Длинный Лога с крепкой дубиной из черенка лопаты, Звенислав и я со свинорезами, а Курбат с трофейным мечом.

Через забор перелезли шумно, а Длинный ещё и грохнулся. Но в таких местах собак не держат, ибо они мешают гостям, и гулянка шла знатная. Поэтому нас никто не услышал. Сквозь открытое окно проникли внутрь. Судя по всему, здесь употребляли не только алкоголь, но и дурман-травы. Запах стоял такой, что меня едва наизнанку не вывернуло.

Попали в спальню, в которой кто-то был. Осторожно, на цыпочках, я подошёл к кровати и увидел, что на ней, прижавшись друг к другу обнажёнными телами, спали два толстых

обрюзгших мужика в возрасте. Фу, мать их так, противно. Извращенцы. Вот бы ударить каждому по башке дубиной и расшибить черепашки. Но мы пришли не за ними.

Главная гулянка шла на первом этаже, в общем зале. А смотритель парка Пяти художников располагался в кабинете наверху, и мы вышли удачно, из спальни как раз имелся выход на лестницу. Спокойно, не потревожив спящих, мы вышли из комнаты, поднялись наверх и упёрлись в запертую дверь. Парни замялись, что делать – непонятно. Поэтому я проявил инициативу и, постучав, закричал:

– Гнус, там важный клиент пришёл, тебя требует!

– Сейчас, – раздался скрипучий голос подвыпившего человека и сразу вопрос: – А где мой милый Пени?

– Он пьяный уже, под столом валяется с каким-то хмырём в обнимку. – Кто такой Пени, я не знал, но думаю, что попал в больное место Гнуса.

Было слышно, как смотритель побежал к двери, приговаривая:

– Пени мне изменил, мой милый и нежный мальчик решил бросить меня.

Дверь отворилась, появилась плешивая голова смотрителя Гнуса, и резким ударом, словно копьём, от плеча к противнику, Длинный Лога ударил его дубинкой. Не промахнулся. Лопатный черенок попал ублюдку прямо в лоб, и Гнус, запутавшись в шёлковом халате, перекатился через себя и рухнул в комнате.

Мы вошли внутрь. Сразу же закрыли дверь на запор и увидели, что Гнус пытается подняться. Кровь заливала лицо сводника, он слепо шарил по испачканному ковру руками и глухо стонал. Длинный поднял своё грозное оружие и хотел его снова ударить, но я остановил бродягу и, присев рядом с Гнусом, спросил:

– Говорят, ты бандитов нанял, чтобы они тебе босяков с улицы Красильщиков привели. Это так?

– Нет, – захныкал он. – Надо было только поколотить их, а того смазливового, на которого «благородные» повелись, к ним приволочь, в качестве компенсации. Чего вы хотите? У меня деньги есть.

– Бандитам заезжим предоплату давал?

– Нет, расчёт после дела. Такой уговор.

– Сколько денег за свою никчемную жизнь отвалишь?

– Десять фергонских империалов.

«Однако, – подумал я, – выгодное дело задницами торговать, потому что денежки у смотрителя парка водятся».

– Давай деньги. – От монет отказываться глупо.

Гнус вытер со лба кровь и в этот момент разглядел нас. Выражение его лица моментально изменилось, и он с самодовольством, высокомерием, облегчением и злобой прошипел:

– А я уже подумал, что за мной кто-то из чёрной масти пришёл. Пошли вон, сопляки!

Это он зря так сказал. Потому что дубина в руках Длинного Логи была наготове. Она просвистела в воздухе, ударила Гнуса, и он вновь рухнул на ковёр, теперь уже зажимая не лоб, а сломанную руку.

– Ах вы, шваль подзаборная, – прохрипел мерзавец. – Да вы знаете, какие у меня связи? Вас в порошок сотрут.

Вновь дубинка опустилась на смотрителя. Он скорчился на ковре и сказал то, что нам надо:

– Деньги в шкафу, там второе дно. Забирайте всё.

Курбат подломил дно шкафа и достал из тайника десять тяжёлых жёлтых монет, самую надёжную валюту во всём изведанном мире – фергонские империалы. Однако на этом мы не остановились. Порылись ещё, поискали и нашли второй тайничок, в котором оказалось полсотни империалов. Но это, наверное, не самое главное. Поскольку там нашлась кожаная дорожная сумка битком набитая бумагами и расписками.

– Теперь вам точно не жить, – раздался противный смешок Гнуса. – Вас везде найдут.

Как же не сдержан на язык бывший смотритель! Почему бывший? Да потому, что с отрубленной головой ему будет сложно присматривать за парком Пяти художников, и городская администрация наверняка вскоре найдёт ему замену.

– Сделаешь? – Я посмотрел на Курбата.

– Запросто. – Горбун приблизился к смотрителю, который уже понял, что с ним хотят сделать, и попытался закричать.

Однако не успел. Курбат ударил его клинком по шее и легко, словно всю жизнь махал мечом, отделил голову Гнуса от плеч.

Из дома выбрались тем же путём, каким пришли. Гулянка в доме продолжалась. Так что нас никто не заметил, а жирные пожилые педрилки спали. Вновь мы перелезли через забор, и нас встретили босяки. После чего ватага помчалась к мосту, нашему заветному месту, и здесь начался разбор добычи. Рядовым бродягам знать, что у нас есть деньги, не надо, ибо золото много людей погубило. Поэтому мы их отпустили, а сами развели костерок, и у нас пошёл серьёзный разговор.

Как ни странно, все были заодно: деньги не светить и до лучших времён спрятать. Скоро зима, для уличных оборванцев самое тяжёлое время, да и для нас, приютских, тоже. Вот и найдётся на что золотые империалы потратить. Ну а кроме того, монеты приметные, и убийц Гнуса будут искать, ибо о связях в высшем обществе он не врал.

В итоге решили поделить деньги на три части и спрятать по отдельности. Одну часть взял Длинный Лога, вторую Курбат и Звенислав, а третья досталась мне. Не знаю, кто где прятал свои золотые, а я запаковал их в кусок мелкоячеистой рыбацкой сетки, привязал к расколотому ручному жернову и утопил под опорой моста. В этом месте не глубоко, вода грязная, рыбы и раков нет, а значит, лазить некому.

С бумагами было сложнее, и сначала, когда разобрались, что оказалось у нас в руках, мы перепугались. А как иначе, если бумаги были описанием всех мерзостей, которые творили клиенты покойного смотрителя над бездомными детьми? Так что Гнус легко отделался. И если бы он попался нам после прочтения этих бумаг, мы бы его на куски резали.

В общем, у нас было всё, чтобы поиметь гору неприятностей. Имена, фамилии, титулы, адреса, привычки, грешки – картотеку Гнус собрал солидную. Конечно, в ней не все, а самые влиятельные и богатые.

– Спалим эту мерзость, – высказался Звенислав. – Спалим и забудем.

– Согласен, – поддержал его Длинный Лога.

– Что думаешь, Пламен? – спросил Курбат.

– Спрячем, нам эта картотека может пригодиться, – возразил я.

– Зачем? – хором спросили Длинный и Звенислав.

Вместо меня ответил Курбат:

– Это же картотека, пусть небольшая, но подробная. – Он приподнял одну папочку. – Вот вам полное описание привычек маркиза Бозрона, а он, между прочим, очень серьёзный

человек. Сами посудите, не век же нам по трущобам лазить. И когда начнём вес набирать, компромат на баронов, графов и прочих маркизов может нам пригодиться.

– Верно, – поддержал я горбуна.

– Тогда сами будете их прятать, – сказал Звенислав.

– Не беспокойся. Спрячем.

8. Штенгель

– Корн... – Капитан Штенгель был удивлён. – Объясните мне, как вы умудрились упустить мальчишек? Вы, матёрые филёры, самые лучшие в Тайной страже. Вот и расскажите, как это произошло?

– Господин капитан, – стал оправдываться наблюдатель, – сам не понимаю, как это могло произойти. Моей группе было приказано обеспечить постоянное наблюдение за тремя мальчишками в ночное время в пределах города – ничего сложного. Однако если первая ночь прошла нормально, то во вторую они сразу почувствовали, что за ними наблюдают, и смогли оторваться.

– Почувствовали?

– Так точно, господин капитан. После того как мальчишки покинули территорию приюта, они сразу же начали петлять по закоулкам. И, судя по тому, как ловко нас обвели вокруг пальца, наше присутствие было замечено ещё вчера.

– Но вы хотя бы определили, куда они направились?

– Мальчишки направились в Старую гавань. А поскольку ваш приказ был категоричен – не соваться в этот район города, мы дошли до границы бандитского района и вернулись. Всё подробно изложено в рапорте.

– Что ж, я ознакомлюсь с ним, а пока вы свободны, Корн.

Филёр покинул комнатку, которую отвели в замке великого герцога для подразделения капитана Штенгеля, и руководитель группы задумался. Вот уже неделю он занимался разработкой трёх мальчишек, и результаты не радовали. Складывалось впечатление, что не обстоятельства пригибали сирот под себя, а они видоизменяли реальность под себя. Конечно, одна неделя – не срок. Но если таковы изначальные результаты, что будет потом, когда мальчишки наберутся опыта? Наверняка ничего хорошего.

В приюте полностью поменялся персонал, но на сближение с новыми воспитателями мальчишки не шли. К ним подсылались люди со стороны, дабы посмотреть на их реакции в разных жизненных ситуациях, но и здесь ничего определённого сказать было нельзя. Пусть они ещё не волки, но волчата точно. Близо никого не подпускали и настороженно относились ко всему, чего не понимали. Опытные филёры и те их потеряли! Попёрлись за ними по закоулкам и напоролись на пятерых пьяниц, которые набросились на тайных стражников с кулаками. Хорошо ещё, Корн вовремя понял, что это подстава, и филёрам хватило ума не махать своими жетонами. Да, ребятишек они из виду потеряли. Но и сами свою принадлежность не засветили.

Группа капитана состояла из шести человек: он сам, три филёра Тайной стражи, на всякий случай присланные из других городов герцогства, жрец бога Белгора и консультант – бывший купец Бойко Путивой.

Счастливец купец пережил все катаклизмы, потрясшие каганат дромов, и домой, под власть рахов, возвращаться не захотел. Поэтому остался жить в Квиригорде, богатом герцогском владении, женился, открыл лавку и жил как можно незаметней. Ему пообещали денег, и он не отказался поработать консультантом на благо своей новой родины. Тем более требовалось с него всего ничего – информация, которая не являлась секретной. Кстати, только вспомнишь о ком, и он тут как тут.

В дверь постучали, и в комнату протиснулась дородная тушка Бойко Путивоя. За ним

следом прошёл жрец бога Белгора достопочтенный Фриге Нойм, человек с изуродованным лицом и белым шрамом на горле.

– Разрешите, господин капитан? – спросил бывший купец.

– Проходите, Путивой, – сказал Штенгель и кивнул жрецу: – Добро пожаловать, достопочтенный Фриге Нойм.

Бойко Путивой с трудом уместился на стуле и положил на стол стопку документов, предоставленных ему для обработки. А жрец, не проронив ни слова, сел в углу и затих. Купец немного поёрзал на стуле и заговорил:

– Плохо, господин Штенгель.

– Что значит – плохо? – Капитан резко поднял голову и посмотрел в глаза консультанта.

– Ребятишек этих под контролем удержать не получится. – Путивой опустил голову.

– Это я и так знаю, Путивой. Ты мне лучше объясни почему. Потому что они бури?

– Всё очень просто и в то же время весьма запутанно, господин капитан. Если коротко, то дело не только в том, что они бури, хотя это так. Все трое – родня по крови, ибо их отцы были женаты на сёстрах.

– И что это меняет?

– Матери у них тоже не простые были, дочери Бравлина от второй жены Родославы, великой ведуньи народа дромичей. Её ещё я помню, и воистину она была очень сильна, реки вспять поворачивала. Если грустила, всю великую степь хмарью накрывало, а если была счастлива, то благо великое людям было. Дочери её, Дара, Русна и Мара, силу материнскую унаследовали, пусть не овладели ею полностью, но тоже многое умели. Вот они и есть матери мальчишек. Я всего только купец, господин капитан, многого не знаю. Однако понимаю: от этих парней надо держаться подальше. Мало того что силу воинскую и ведовство от отцов унаследуют, им для этого учителя не нужны, само всё со временем придёт. Но и материнское наследство подоспеет, а тогда – пиши пропало, тикай кто куда может.

– Даже так? – искренне удивился Штенгель.

– Именно. Ведь наш народ очень древний, господин капитан. И из наших легенд мы знали о таких людях, в которых сошлись две крови – колдовская и воинская оборотней-бури. Каждый раз, в годину испытаний, когда наш народ стоял на грани уничтожения, находился такой человек. Но чтобы сразу трое уродилось, не было такого никогда. А значит, грядёт время перемен, войн и смут.

– И каковы ваши рекомендации, Путивой?

– Какие рекомендации может дать простой купец, господин капитан? Самый лучший вариант, по-моему, заняться мальчишками лично, стать другом этих сирот и сразу объяснить, кто они и кто их истинный враг. Они не сегодня завтра в Старую гавань сбегут, неладное вокруг себя почувствуют. Поэтому лучше поторопиться.

– Мальчишки уже сбежали.

Купец пристукнул ладонью по столу:

– Об этом я и говорил с самого начала! Вот она, кровь бури. Когда я торговал лошадьми на восточной границе каганата, кое-что видел и могу вам прямо сказать, что чутье на опасность у них очень хорошее.

– Ладно, господин Путивой, не горячитесь. Сейчас вы отправитесь к себе домой, и, если вновь понадобится консультация, вас вызовут. Разумеется, вы понимаете, что болтать не следует?

– Да знаю я всё... – прокряхтел купец, выходя из комнаты.

А капитан повернулся к жрецу, который во время разговора не проронил ни слова, так и сидел в углу. Штенгель махнул рукой вверх и немного вправо, в том направлении, где располагались покои герцога, и спросил:

– Что решили там, определились?

Жрец заговорил, и его голос был неестественно глух:

– Вам разрешено вступить в прямой контакт с мальчишками, капитан Штенгель. Судя по всему, они окончательно покинули приют и конечно же назад возвращаться не собираются. Они начали свой путь, и что из этого выйдет, можно только предполагать. Ваша задача теперь не ограничивается одним только наблюдением, и вам даётся возможность принимать решения самостоятельно.

– Достопочтенный Фриге Нойм, вы говорите так, будто вас это совсем не касается, – язвительно заметил Штенгель. – Однако напоминаю вам, что вы мой подчинённый. По крайней мере, временно.

Жрец издал горлом непонятный звук, отдалённо напоминающий скрип несмазанных тележных осей, и ответил:

– Капитан, я жрец, и только бог Белгор мой начальник. Признаю, возможно, я был немного грубоват, ибо не привык работать в команде.

– Хорошо, тогда объясните мне, чем будете заниматься непосредственно вы, пока я буду пытаться сдружиться с этими молодыми волчатами?

Фриге Нойм помедлил и ответил:

– Я буду искать их родственников.

– Странно, мне об этом ничего не известно.

– Вы и не могли этого знать, так как данная информация проходит по ведомству духовному, а не по светскому. После разграбления Ориссы большинство дромов-беглецов, из тех, что уходили на запад, обосновались у нас. Но были и такие, кто эмигрировал в Эльмайнор. Таких немного, но они были. И есть сведения, что там обосновалась четвёртая дочь Бравлина и Родославы ведунья Гойна, а с ней рядом несколько десятков профессиональных воинов. Не знаю, как сейчас, но ещё в прошлом году отряд дромов налетел на замок мятежного графа Свакурда и всех там вырезал. Думаю, степняки, поселившиеся у наших соседей, не знают, что кроме них ещё кто-то уцелел. Поэтому надо присмотреться к ним, ибо неизвестно, как они отреагируют на известия о родичах.

Капитан встал и машинально оправил мундир.

– В таком случае оставляю старшим Корна, связь будем поддерживать через него. Понимаю, что информацией вы со мной делиться станете скупно. Но если появится что-то интересное, прошу не оставлять меня в неведении.

Штенгель протянул жрецу руку, а тот её пожал и сказал:

– Договорились, капитан.

Два человека, занятые одним и тем же делом, расстались, и дороги их разошлись на неопределённо долгий срок. Жрец отбыл в герцогство Эльмайнор, а капитан Штенгель, вновь надев маску вора, тем же вечером оказался в Старой гавани.

Первым делом он посетил своё логово, хибарку, в которой прожил несколько лет подряд и давно считал домом, а затем направился на поиски приютских мальчишек. Методично, сектор за сектором, он прочёсывал Старую гавань, которую знал как свои пять пальцев. Начал с укромных мест бандитского района, справедливо рассудив, что мальчишкам, не

имевшим здесь поддержки, придётся начинать с самого дна. Однако нищие, попрошайки, убогие, как настоящие, так и симулянты-комедианты, ничего о них не слышали. И единственное, что он узнал, – недавно двое мальчишек-оборвышей из города подрались с парнями папаша Бро, и быть бы им кормом для крыс, но по неизвестной причине за них вступился Кривой Руг.

Неспешно раскидав информацию по полочкам, Лысый пришёл к выводу, что лично для него всё усложняется. В последний год, после того как стражники хорошенько почистили район Старой гавани от особо опасных преступников, здесь стало беспокойно. Раньше было проще. Папаша Бро – самый главный, по крайней мере официально. А все остальные криминальные авторитеты, такие как Шрам, Свирепыш, Дори Краб, Кинжал и прочие, отстёгивали ему от своих доходов небольшую, но постоянную долю. Однако благодаря действиям капитана Штенгеля, то есть его же действиям, весь расклад рассыпался. Банда Свирепыша была уничтожена, её остатки прятались в глухих лесах, убийцы Шрама казнены, а после того как пропал Кинжал, в Старой гавани остались только две серьёзные силы – папаша Бро, поддерживающий традиции, и Кривой Руг со своим подручником Дори Крабом. Но и тут, хоть и с трудом, равновесие держалось, и обе стороны, здраво рассудив, что худой мир лучше войны, пока опасались переходить к военным действиям.

Но, судя по всему, хрупкому перемирию пришёл конец, ибо буквально несколько дней назад в районе объявился Одноглазый, суровый пират со своей бандой. И братва Одноглазого сразу же встала за Кривого Руга, а это два десятка опытных головорезов, которые склонили чашу весов в одну сторону. А что мог противопоставить им папаша Бро? Да ничего не мог, и как ни крути, а кинжалы нищих и воров против абордажных палашей бойцов Одноглазого и мечей наёмников Кривого Руга не играли, не та весовая категория.

По всем воровским понятиям и традициям, возведённым в неписанный закон, вордомушник Лысый, продолжатель дел своего дяди Перстня, в предстоящей бойне должен был встать на сторону папаша Бро. Но капитан Тайной стражи Гельмут Штенгель имел приказ быть рядом с приютскими мальчишками. Поэтому, привычно зыркнув по сторонам, он сплюнул на грязные булыжники разбитой мостовой и уверенным шагом направился в таверну «Отличный улов», штаб-квартиру Кривого Руга. Плевать, что через десять минут после того, как он войдёт в таверну, папаша Бро будет знать, что Лысый вернулся в город, но направился не к нему, а к его врагу. Всё это не важно, ибо капитан имел приказ и собирался его выполнить.

В таверну Лысый вошёл спокойно, будто и не намечалось в Старой гавани никакой войны. Не обращая внимания на злобные взгляды посетителей, сел за свободный стол и заказал пива. Как по мановению волшебной палочки, сразу же появилось свежее вернейское, другого здесь не держали. И он, с наслаждением сделав первый глоток, зажмурился от удовольствия и тихо выдохнул:

– Хорошо-то как...

А когда Лысый открыл глаза, напротив него уже сидел Дори Краб.

– Привет, Дори, – весёлым тоном поприветствовал тайный стражник хозяина таверны, чуть приподнимая кружку. – Пиво у тебя, как всегда, самое лучшее в городе.

– С чем пришёл, Лысый? – напрягся Краб.

– С миром Дори, с миром. Ты ведь знаешь, я отъезжал по делам.

– Ну и что из этого? – хмуро спросил подручник Кривого Руга.

– Мир посмотрел, людей, где и как живут. И знаешь что?

– Что?

– Я многое понял для себя, Дори.

– Короче...

– Короче так короче. Под Кривого Руга отойти намерен, чтобы не подыхать в клоповнике, как мой дядя. Иного хочу, семью, дом, жену и тёплую постель, чтобы дети были и внуки. Папаша Бро со своими традициями уже в прошлом, и, честно сказать, достал он. Жениться нельзя, вобщак долю дай, деньги в дело вкладывать опять нельзя, с чиновниками и солдатами общаться запрещено. Надоел со своими старыми законами! Должен понимать, пень древний, что времена изменились и есть возможность в достатке жить! И потому плевать я на него хотел!

Последние слова Лысый уже выкрикивал, чтобы его услышало как можно больше народу.

– Лысый, – Дори усмехнулся, – дороги назад у тебя уже нет.

– Понимаю, – ухмыльнулся в ответ Штенгель.

– Пойдёшь с нами ребят папаша Бро резать?

– Пойду, я свою сторону уже выбрал.

– Тогда добро пожаловать, Лысый, и без обид: пригляд за тобой будет. Лично к тебе претензий у Кривого Руга никогда не было, ибо у каждого своя тропа. Но наблюдать за тобой будем.

Штенгель развёл руками:

– Да я же всё понимаю, Дори. Вот только... – Капитан запнулся.

– Что – только? – вновь насторожился Краб.

– Сам понимаешь, пока папашу Бро в гроб не загоним, мне лучше у вас перекантоваться.

Вы не против?

– Это не проблема, на втором этаже номера свободные, на любой лежак падай и отдыхай.

Дори ушёл, а Штенгель ещё некоторое время сидел за кружкой пива, зорко окидывая всех входящих и выходящих цепким взглядом. Приютских нигде не было видно, и он уже начал сомневаться, правильно ли поступил, придя сюда. Всякое может быть. Поэтому оборвыши, которых прикрыл Кривой Руг, могли быть обычными уличными босяками, а не приютскими мальчишками. И вот когда капитан уже решил, что сейчас надо пройти по таверне, внутреннему двору и гостевым номерам, в общем зале появились те, кого он искал.

Сбежавшие из приюта подростки были веселы и бодры. Им здесь явно нравилось, и одеты они были пусть не с иголки, но добротно. На каждом плотная серая рубаха, крепкие штаны по росту и размеру, а также шерстяная безрукавка. Кроме того, у всех на широких кожаных ремнях висели отличные охотничьи кинжалы в ножнах. Это всё дорого стоило и говорило о многом, ибо так здесь могли ходить только свои, то есть люди, в ком местные хозяева были полностью уверены.

К столу, за которым сидел капитан, подлетела добродушная толстушка Марта, ключница таверны «Отличный улов», и спросила:

– Лысый, детишек покормить надо. Ты не против, если они с тобой сядут? А то у нас сегодня, сам понимаешь, наплыв посетителей.

«Очень кстати», – подумал Штенгель и ответил:

– Конечно, Марта, пусть садятся. Заодно и я с ними поем, принеси что погорячей.

– Сделаем, Лысый. – Толстушка кивнула и умчалась в свою вотчину, на кухню.

Мальчишки, весело болтавшие о чём-то своём, сев за стол, резко замолчали и только переглядывались. На стол подали горячий рыбный суп и тёплый свежий хлеб. И все, включая капитана Штенгеля, вспомнившего, что он не ел уже сутки, с аппетитом принялись за еду. Сметя всё, что было на столе, парни засобирались уходить, но капитан их остановил:

– Не торопитесь, сейчас Марта горячий взвар принесёт.

Действительно, принесли взвар, густой горячий кисель из сушёной вишни. Пить его дело не быстрое, обжигающий напиток сразу не выхлебаешь. И Штенгель решил, что пора завязать с мальчишками знакомство.

– Что-то раньше я вас здесь не видел, парни. Из людей Одноглазого, что ли, будете?

– Ха, дядя! – Один из мальчишек, кажется Пламен, заводила всей тройки, усмехнулся. – А ты сам-то кто будешь? На этих, – покосился он в сторону сидящих за столами бойцов Одноглазого и Кривого Руга, – ты совсем не похож.

– Глазастый, посмотрю, – усмехнулся капитан, – и ты прав, из местных я. Зовут Лысый, сейчас под руку Кривого Руга отошёл.

– Пламен, – представился заводила.

– Звенислав, – отозвался второй.

– Курбат-горбун, – бросил третий.

Капитан повернулся к увечному и, глядя в его глаза, смотрящие с вызовом всему миру, сказал:

– А ты не дерзи, малой. Думаешь, у тебя горе и ты его можешь на весь свет изливать? Нет, бывают ситуации в жизни и похуже. Когда не то что горб, а валяется обрубок человека без рук-ног и живёт. Он и рад бы умереть, а не может, не дают ему этого сделать. Вот это настоящее горе.

– Это где же так было? – спросил хмурый горбун. – Может, расскажешь?

– Легко. – Что умел делать капитан, так это истории рассказывать, пусть не талант, а практику имел большую, не один зимний месяц подряд этому у Перстня учился. – Двенадцать лет назад это было. В Старой гавани, именно в этой таверне, жил один удачливый вор по кличке Бочонок. А почему его так звали, знаете?

– Нет... – нестройным хором протянули мальчишки. Хотя и потаскала их судьба-злодейка, но всё же многое от детства в них ещё осталось, в том числе интерес к историям.

– Так вот, звали его Бочонком, потому что люди знали: есть у него заветная кубышка, доверху набитая золотом. Где он её прятал, неизвестно. Но что она была, точно вам говорю. И проведал об этом тогдашний начальник Городской стражи маркиз Ускеро и повелел стражникам схватить трактирщика и пытаться, дабы вызнаться, где тот богатство своё хранит. Полгода его в подвалах пытали, но так и не смогли узнать, где Бочонок золото спрятал. Потом куски его тела в крепостном рву нашли, это и смогли схоронить. Такой вот огромной силы воли был человек, малой. – Капитан хотел потрепать горбуна по плечу, но, увидев, как тот на него смотрит, не решился. – А ты говоришь, горб. Чепуха это. Вон, предыдущий герцог тоже горбатым был, а державу на треть увеличил и трёх жён пережил.

– Я ведь не герцог, – усмехнулся Курбат.

– Как знать, как знать, – несколько загадочно произнёс Штенгель. – Вот по вам сразу видно, что вы дромы. Следовательно, приютские, а среди них и благородных кровей потомки есть.

– Это откуда же ты об этом знаешь? – вступил в разговор Пламен.

– Друг у меня есть, купец из Квирингорда, тоже из дромов, между прочим. И он кое-что

рассказывал. Хотите, и вас с ним познакомлю, если интерес есть.

Парни явно заинтересовались. Но общение прервал обвешанный с ног до головы оружием Кривой Руг.

– Братва! – входя в таверну, выкрикнул он. – Дело к вечеру, пришла пора проредить воров папаши Бро!

– У-у-у... – одобрили его слова бойцы. – Бей чёрную масть! Воров на сталь оденем!

– Полчаса на подготовку, и выдвигаемся! – продолжил Кривой Руг. – Старая гавань станет нашей!

Люди Одноглазого и наёмники принялись облачаться в доспехи и вооружаться, а мальчишки-дромы встали из-за стола и отправились куда-то наверх. На прощание Пламен повернулся к Штенгелю и серьёзным, совсем недетским тоном, явно вкладывая в свои слова какой-то непонятный смысл, сказал:

– Мы ещё продолжим наш разговор, Лысый.

На что капитану Штенгелю оставалось только согласно кивнуть.

9. Пламен

– Дети! – Голос нового учителя звучал звонко и разносился по учебному классу. – Внимание! Повторяем за мной алфавит! – Он сделал паузу и продолжил: – Альфа!

Все сто двадцать воспитанников приюта, которые находились в учебном бараке, эхом повторили за ним:

– Альфа!

– Что есть буква «альфа», дети? Это начало всей азбуки и сказано было богом Белгором: «Я есть альфа и омега всего сущего». Внимайте этому, дети, ибо невозможно постичь что-то, не зная изначальных истоков. Ещё раз!

– Альфа! – выдохнули мальчишки и девчонки.

– Хорошо, – одобрил учитель. – Продолжаем.

Перемены в приюте произошли через три дня после нашего набега на притон извращенцев. Резко и быстро.

Подъём никто не объявлял, но по укоренившейся за десять лет привычке мы проснулись как обычно. И когда вышли на построение, то обнаружили, что власть в приюте поменялась. Ни одного прежнего воспитателя и даже самой мадам Эры на территории не было. Они испарились вместе с вещами, словно и не было их здесь никогда. А новые воспитатели, все как на подбор подтянутые крепкие мужчины лет под сорок и три женщины, мало чем отличающиеся от них. Словно солдаты, они выстроились перед крыльцом, и вскоре появилась наша новая хозяйка.

Надо отметить, что впечатление она произвела странное. По крайней мере, на нашу тройку. С виду обычная добрая тётка, но если присмотреться, становилось немного жутковато. Такое ощущение, что ей настолько на всё плевать, что без разницы, улыбаться или убивать. Звенислав тогда так и сказал: «Думаю, что даже мадам Эра, по сравнению с этим чудовищем, невинный агнец». Мы с Курбатом были с ним полностью согласны и готовились к любому развитию событий.

Осторожность и внимательность – жизнь приучила нас к этому крепко, и мы всё время были настороже. Наше чувство самосохранения просто кричало о том, что беда ходит рядом, что не бывает так, всё плохо, а тут вдруг раз – и всё наладилось. Это может произойти с простыми людьми, но не с нами, не с приютскими детьми, выживавшими десять лет кряду в самых нечеловеческих условиях. И чем больше мы присматривались к нашим новым наставникам, тем больше находили в них странностей, а рукам хотелось зажать что-то увесистое и ударное, на всякий тревожный случай.

Остальные наши приютские уже на второй день восприняли все перемены как должное и были счастливы. О воспитателях молчу, воспитанники в них души не чаяли. Тем более новая мадам в первые же минуты знакомства объяснила, что герцог Конрад Четвёртый и верховный жрец Хайнтли Дортрас разобрались в том, что происходит в приюте. Поэтому на замену старому персоналу, вора и негодяям, прибыли они, лучшие воспитатели детей в герцогстве. Оно-то, конечно, понятно, что разобрались. Вот только с детьми эти люди если имели раньше дело, то со своими. Да и то вряд ли. Видели мы сержантов Городской стражи, каждый год гоняющих своих новобранцев. Так нашим новым воспитателям эти ветераны и в подмётки не годились. Слабаки они, по сравнению с нашими попечителями и учителями. И это не домыслы, а факты.

Мы ждали, ждали, но неприятностей всё не было, а, наоборот, наступили очень даже хорошие перемены. Кормить стали отменно, при мадам Эре так несколько раз за все годы на столы накрывали исключительно по большому поводу или к празднику. Возобновилась учёба, каждый день мы шли в класс и занимались арифметикой, азбукой и даже рисованием. На работы в город нас уже не отправляли, а во дворе была построена настоящая игровая площадка. Всё как положено: качели, карусели и песочница для малышей. Благодать и рай на земле.

Два дня мы не выходили ночью в город: воспитатели не спали, и кто-то из них всегда находился во дворе. Однако на третью ночь решили рискнуть и посмотреть, что будет и как они на это отреагируют. И их реакция нас, мягко говоря, удивила. Когда мы, никого не стесняясь, отгибали доску забора и выбирались на улицу, здоровяк Ганс, дежуривший в эту ночь, просто отвернулся и сделал вид, будто в упор нас не замечает. Ладно, это можно списать на какую-то доброту отдельно взятого человека. Однако, когда ситуация с точностью до мелочей повторилась на следующую ночь, в которую дежурил воспитатель Лука, мы растерялись. Как такое возможно? Снова мы не понимали, что происходит, и это заставляло нас нервничать ещё больше.

Отставив непонятки в сторону, наша дружная троица продолжила заниматься своими ночными делами. Босьяки к нам привыкли быстро, слушались беспрекословно, и зачастую мы просто бродили по окраинам города. Где-то по мелочи приворовывали, не без этого, конечно. Однако уже не для того, чтобы прокормиться, приютских харчей хватало с избытком, а для наших уличных «гвардейцев». В одну ночь ограбили парочку выпивох, во вторую – рыбную лавчонку, где днём хозяин крепко поколотил малыша-попрошайку. А потом повезло, наткнулись на мясника, который ранним утром решил раньше конкурентов сделать завоз свежего мяса в лавку. Стоя посреди улицы, мы перегораживали ему проезд, и дядька оказался догадливым. Сам, без единого слова с нашей стороны, мясник вытащил пять утиных тушек и отдал нам. Откупился.

Впрочем, всё это мелочи, и нам требовалось серьёзное дело. Как верно заметил один мудрый человек, «бедных грабить смысла нет – с них взять нечего». Поэтому была нужна достойная риска по-настоящему хорошая цель. В Белый город, по адресам, указанным в картотеке Гнуса, мы соваться пока не рисковали, а по окраинам состоятельные господа не проживали. Однако была мадам Эра, наша незабвенная и несравненная бывшая хозяйка. Пусть она отошла от дел приюта и нас никаким боком теперь не касалась, но мы были уверены, что такая тварь жить не должна.

Две ночи мы кружили вокруг её усадьбы, как раз неподалеку от лавки Толстого Петры. И к делу подошли основательно. Узнали все привычки местных стражников, время прохождения патрулей, какова высота забора, как зовут двух собак, карауливших дом мадам Эры, и даже кто является её любовником, а ещё с кем он спит помимо престарелой злюки. Всё было готово, продумано и просчитано до мелочей. Поэтому весь день мы мысленно готовили себя, что именно сегодня очистим мир от чудовища. От твари, которая продавала налево продукты, дрова, одежду и забирала себе всё, что шло на нас из казны. А из-за этого каждую зиму в землю подле забора зарывались детские тела.

Наступила ночь, мы привычным путём покинули приют, и практически сразу Курбат сделал знак, что за нами кто-то идёт. Возможно, это случайность, а может, и нет. Провериться в любом случае нужно. Поэтому свернули к мосту, перекинулись несколькими словами с бродягами и разошлись в разные стороны. Мы гулять, а они за нами следом,

проверять, что за хвост за нами увязался. Гуляли по городу до утра, и на рассвете вновь на обычном месте нас ждал Длинный Лога.

– Парни, – голос его был возбуждён, – за вами слежка, самая настоящая, без дураков, зуб даю. Три человека постоянно сменяются и ходят по пятам. Очень хорошо ходят, грамотно.

– Пламен, – Звенислав оглянулся по сторонам, – надо ноги делать.

– Курбат? – спросил я. – Ты как?

– Не нравятся мне все эти странности, которые вокруг происходят. Прав Звенислав – надо бежать из приюта.

– А как же наши, которые останутся? – задал я, как мне казалось, самый важный вопрос.

– Если мы на воле будем, – ответил Курбат, – сможем им помочь, коль беда приключится. А если нас схватят, тогда мы никому и ничем уже не поможем.

– Решено, завтра идём в отрыв. – Я повернулся к Длинному Логе, который заметно посмурнел, узнав, что мы покидаем его и ребят. – Помощь твоя нужна, Длинный.

– Да? – Он вытянул шею.

– Мы в Старую гавань пойдём, там нас достать сложнее, и проходить будем через Пять переулков. У тебя там знакомые есть?

– Есть, – подтвердил он.

– Отлично, сделай так, чтоб они нам хвосты отрубили, а за нами не заржавеет, ты знаешь.

– Я-то знаю. – Голос его был невесел. – Только без вас трудновато будет. Удачливые вы и дерзкие, да и привыкли мы к вам.

Хлопнув его по плечу, как можно увереннее я сказал:

– Мы в Старой гавани не на пустом месте будем, нам сам Кривой Руг поддержку обещал. И если всё путем будет, то и вас подтянем, друг.

В первый раз кто-то из нас назвал его другом. Своего рода переломный момент. Поэтому он обнял меня за плечи и прошептал:

– Всё сделаю, друг.

Расставшись с предводителем городской шпаны, мы вернулись в приют и весь день посвятили тому, что обдумывали дальнейшие действия. Уроки окончились, ужин прошёл как всегда, и мы прошли по территории. А в сумерках покинули приют. Как нам думалось, навсегда.

Наш побег и отрыв от сыщиков, идущих по следу, прошёл, как и планировалось. И уже утром, пробираясь окольными путями, мы вышли к таверне «Отличный улов». И когда подошли к парадному входу, то первым, кого встретили, был пиратский капитан Одноглазый. Его мы не узнали, а вот он нас запомнил отлично. Поэтому, когда меня и Звенислава обхватили две здоровенные ручки, мы подумали, что нас догнала слежка. Но голос оказался знакомым и громогласно объявил на всю округу:

– Это мои друзья! – Пират оглянулся, разглядел единственным глазом Курбата, который приготовился к драке, и добавил: – Все трое!

К нам подходили бойцы пиратского капитана, которые вместе с ним «отдыхали» на галере, хлопали нас одобрительно по плечам и называли своими друзьями. Не общались мы никогда раньше с разбойным народом плотно и удивились, что обычная человеческая благодарность им не чужда. Впрочем, если того потребует дело, то они нас и прирезать могут. Пожалеют, конечно, не без этого, но потом.

Руки Одноглазого отпустили нас, и я смог его рассмотреть. Примечательная и колоритная личность. Крепыш с широкими плечищами напоминал здоровенный квадратный ящик. Но при этом он был подвижным, юрким и ловким. А дополнял его образ чёрной повязкой на левом глазу. Натуральный пират, сказал бы любой, кто его увидел, и был бы прав. Во всём Аскорском море, на берегу которого стоял Штангорд, не было более известного разбойного капитана, чем Одноглазый.

Нас провели внутрь таверны, накормили и переодели, а Одноглазый ещё и по добротному стальному ножу подарил – это обозначение статуса, без оружия ты здесь никто. Пока мы под присмотром толстушки Марты отъедались, во всех подробностях узнали историю побега Одноглазого и его банды с галеры. Сам-то я думал, что всё будет как обычно, если судить по песням выступающих на улицах бардов. То есть налёт на судно и героическое освобождение своих товарищей из кровавых лап палачей-надсмотрщиков.

Однако Кривой Руг есть Кривой Руг. Поэтому он поступил не по старым воровским понятиям, а так, как посчитал нужным. Авторитет отправился в городскую управу, и один из его должников-купцов, сопроводив своё желание крупной взяткой, тут же выкупил галеру вместе с грузом и экипажем у государства. А на следующий день галера «Попутный ветер» вышла в море, где на неё сразу же «напали» пираты и «освободили» своих товарищей. Естественно, никто ни на кого не нападал, всё было гораздо проще. Судно со сменным экипажем на борту ушло в один из независимых торговых портов на перепродажу, а братву Одноглазого расковали ещё на причале.

[Купить полную версию книги](#)